Документ подписан простой электронной подписью
Информация о владельце:
ФИО: Куижева Санда Казбековна
Должность: Ректор
Дата подписания: 15.09.2021 11:42:31
Уникальный программный ключ:
71183e1134ef9cfa69b206d480271b3c1a973e6f

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Майкопский государственный технологический университет»
Факультет управления
Кафедра философии, социологии и педагогики

Учебное пособие по дисциплине

«СОЦИОЛОГИЯ»

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Майкоп – 2015

УДК 316 (07)
ББК 60.5
У – 91

Печатается по решению Научно-технического совета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Майкопский государственный технологический университет».

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор Азашиков Г.Х.,
кандидат социологических наук, доцент Безрукова А.А.

Учебное пособие по дисциплине «Социология». Социальная мобильность и миграционные процессы / Сост. Сиюхова А.М., Мамижева З.Х. – Майкоп: ИП Магарин О.Г., 2015. – 117 с.

Настоящее пособие предназначено для обучающихся в аспирантуре и магистратуре Майкопского государственного технологического университета, углубленно изучающих дисциплину «Социология». В пособии раскрываются исследовательские подходы к сущности социальной мобильности и ее соотношении с процессами миграции населения. Изучение материалов, представленных в пособии, поможет выпускникам вуза, которым предстоит работать в органах государственной власти и местного самоуправления, формировать и проводить миграционную политику на научной основе.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в российской социологии обозначился устойчивый интерес к проблемам социальной мобильности. Очевидно, что причиной такого внимания стали интенсивные изменения социальной структуры мирового сообщества как результата реализации идей глобализации и мультикультурализма, структурные сдвиги в системе российского общества, находящегося в переходной стадии исторического развития на пути к рыночному демократическому устройству, а также многие другие факторы. В связи с этим сформировались основные направления исследования социальной мобильности в зависимости от объекта, предметной области и методологии анализа.

Несомненно, что научной базой подобных исследований является теория социальной мобильности, сформулированная П.А. Сорокиным. В ней с максимальным уровнем обобщения выведены сущность, типы и способы социальной мобильности. В частности, П.А. Сорокиным концептуализируется категория социального пространства, в котором происходят перемещения индивида и групп по следующим направлениям: вертикальное восходящее, вертикальное нисходящее, горизонтальное[1]. Последователи П.А. Сорокина обогатили его научное наследие, расширив обзор многообразных факторов, способствующих, либо препятствующих изменению позиции индивида или группы в структуре общества. Большинство ученых основной причиной и условием социальной мобильности считают изменения в экономико-производственной сфере (Д. Белл, Э. Тоффлер и др.), т.е. смены основного типа хозяйственности в обществе[2]. В этом смысле не теряет своей актуальности теория общественно-экономических формаций К. Маркса, дифференцирующего уклад общественного устройства, исходя из соотношения основного способа производства и формы собственности на средства производства (первобытнообщинный строй, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, коммунизм). Однако еще до П.А. Сорокина. Д. Белла и Э. Тоффлера европейские философы и социологи О. Конт, М. Вебер и К. Ясперс указали, что социальные изменения в первую очередь зависят от способа мышления и культуры.

---

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.· Политиздат, 1992.

[2] Кураев И.Ю. Социальная мобильность и переходный исторический период: причина или следствие // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 3.

Основной критерий социальной стратификации – неравенство – совершенно по-разному интерпретируются в разных формах культуры. В традиционной культуре неравенство есть условие порядка, вследствие чего общество стремится сохранить статусные позиции своих членов. В этом случае вертикальная мобильность весьма затруднена. В современных обществах неравенство есть проблема, требующая от личности и общества своего преодоления. В частности, показателем реализации данной идеи становится стремление западного общества, провозглашенное еще Аристотелем в эпоху античности, увеличить долю среднего класса, сделав его основой структуры общества. Современные общества, в которых формирование сильного среднего класса уже произошло, где он стал значимым элементом социальной структуры, получили возможность одновременно сочетать в себе потенции стабильности и мобильности[3]. Именно внутри среднего класса происходит постоянное движение, неизбежная ротация статусов, поддерживающее его развитие.

Данные теоретические положения складываются в философское направление исследования социальной мобильности и дают основу новым исследованиям в подобном ракурсе современных ученых. Например, идею соотношения уровня социальной мобильности и переходности состояния общества, основанной на смене одного типа хозяйствования другим, рассматривает И.Ю. Кураев. Сообразуясь с мыслью о том, что в стабильных обществах уровень мобильности значительно ниже, чем в обществах переходного типа, исследователь делает вывод о том, что являясь основной причиной формирования социальной структуры в переходные периоды, социальная мобильность оказывается в стабильном обществе лишь ее следствием[4]. Данное замечание, на наш взгляд, содержит в себе противоречие, т.к. уровень социальной мобильности любого общества имманентно связан с процессами обновления социальной структуры. По мнению М.А. Булановой, мобильность оказывает встречное влияние на социальное неравенство, усиливая или, напротив, ослабляя его[5]. Т. е. общество всегда старается достигнуть конфигурации, дающей ощуще-

[3] Черныш М.Ф. Социальная мобильность среднего класса // Управленческое консультирование. 2007. № 1. С. 157.

[4] Кураев И.Ю. Социальная мобильность и переходный исторический период: причина или следствие // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 3. С. 269.

[5] Буланова М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 3. С. 205.

ние устойчивости и развития. Это происходит и в переходные, и в спокойные времена, лишь с разной долей интенсивности.

Понимание важности для общества постоянного саморазвития, в социологии второй половины XX века привело к смещению акцента в исследованиях с анализа социальной структуры в традициях школы Т. Парсонса, на анализ социальных процессов, о чем справедливо замечает В. С. Любченко[6]. В данном направлении рассматривают общество П. Бурдье, М. Кастельс, П. Штомпка и др., принимающие за аксиому такие качества постиндустриального общества, как подвижность, изменчивость, динамизм. Имманентными факторами реализации обозначенных свойств является стремление индивидов и групп получить доступ к значимым ресурсам, позволяющим им достигнуть и поддерживать оптимальный уровень качества жизни. В рамках ресурсного подхода, сформировавшегося в трудах П. Бурдье и его последователей, были определены типы активов или капитала: экономический, культурный, социальный. Вследствие этого, миграционные процессы глобального и локального уровня, происходящие в обществе, следует рассматривать как способ получения доступа к ресурсам, которого люди не имеют или утратили по месту их первоначального проживания.

В первые десятилетия XXI века в западных странах обозначился и обострился кризис идеи мультикультурализма, который выразился в наращивании массы эмигрантов, представляющих этнические сообщества с иными ценностными установками по отношению к принимающему сообществу. Интегрируясь в мощные диаспорные образования, они стали оказывать давление на местные традиционные устои, что стало приводить к множеству массовых конфликтов (погромы, поджоги, террористические акты). Наличие опасной для общества нестабильности потребовало научного осмысления миграционной составляющей социальной мобильности на глобальном уровне. Д.Л. Рыжков указывает на то, что межклассовые противоречия как основной фактор социальной мобильности в условиях глобализации приняли внешние формы по отношению к национальному государству. Автор поясняет свою мысль тем, что в передовых экономически развитых странах исчез классовый антагонизм. Однако миграция населения из бедных стран, порожденная внешними по отношению к принимающей нации социально-экономическими противоречиями, неизбежно создает внутреннюю напряженность для этих стран. Та-

[6] Любченко В.С. Социальная мобильность в современном обществе: основные тенденции // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2013. № 1. С. 196.

ким образом, - делает вывод Д. Л. Рыжков, - социальное противоречие, обусловленное способом общественного производства, рождает миграцию как свою превращенную форму, трансформирующую напряженность классового характера в межэтнические, межрелигиозные и политические конфликты[7].

Теоретические исследования вопросов социальной мобильности соотносятся с повышением интереса социологов к исследованиям прикладного характера, что для нас, представителей регионального научного сообщества, составляет особую ценность. Как правило, большинство работ направлено на выявление количественных характеристик статусных изменений в определенных сегментах общества. Например, М.А. Буланова, исследуя мобильность работающей молодежи Хабаровского края, использует инструментарий, позволяющий измерить уровень и условия социальной мобильности с помощью следующих показателей: общий коэффициент мобильности; показатель восходящей мобильности; показатель нисходящей мобильности; показатель структурной (вертикальной) мобильности; коэффициент соотношения между восходящей и нисходящей мобильностью[8]. Для целей социологического исследования респонденты ею были дифференцированы по экономическому признаку на четыре группы: обеспеченные, средние, малообеспеченные и бедные. Автор приводит данные численности и структуры каждой из групп, полученные в ходе социологического опроса. Таким образом, эти показатели могут иметь определенную долю субъективности, так как не каждый опрошенный, в силу свойств личности, адекватно оценивает свои экономические возможности. М.А. Буланова проводит значительную работу по анализу способов и выявлению стратегий социальной мобильности посредством ресурсов занятости молодежи в сфере общественного труда. В частности, она приходит к выводу, что самозанятость молодежи является наименее распространенной формой достижения желаемого социально-экономического статуса[9]. В ситуации переходности российского общества к рыночным отношениям малый и средний бизнес является наиболее мобильной и прозрачной формой экономических отношений. Понимание этого на уровне государственно-

[7] Рыжков Д.Л. Миграция как форма социальной мобильности в глобальной социальной структуре // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 5 (133). С. 136.
[8] Буланова М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 3. С. 207.
[9] Указ. соч. С. 210.

го управления реализуется в создании ряда правительственных программ по поддержке малого и среднего предпринимательства. Однако полученный результат свидетельствует о том, что эти программы почти не охватывают молодежь.

Важным фактором при анализе социальной мобильности в современном обществе становится уровень образования, формирующий интеллектуальный ресурс личности и общества. Классовая принадлежность и обладание материальными благами отходят на вторую позицию. В. С. Любченко указывает, что наиболее ценным инкорпорированным капиталом (по П. Бурдье) становится способность создавать «ноу-хау»[10]. При этом наличие определенного уровня образования выступает элементом совокупного культурного капитала, который составляют также особенности поведения, развитие речи и навыков эффективной коммуникации, способность воспринимать новое и пр., что представляется внутренним не отторгаемым капиталом личности, воспринятым в ходе социализации и дающим возможность присвоения «социальной энергии»[11]. Вследствие этого в прикладных исследованиях по измерению социальной мобильности одним из важнейших вопросов становится определение уровня образования в дифференцированных социальных стратах. Всегда учитывается такой факт, как преемственность, т.к. индивиды, получившие высшее образования в первом поколении, в большинстве своем еще не могут сформировать навыка эффективного его использования для повышения своей позиции в социальной структуре при наличии конкурентного окружения из образованных людей второго и последующего поколений.

Обращая внимание на важность межпоколенной трансляции уровня образования от родителей к детям, М.А. Буланова, тем не менее, возможность продвижения вверх индивида увязывает, прежде всего, с экономическим статусом семьи. Она интерпретирует полученные результаты социологического опроса по наименьшей способности к восходящей мобильности молодежи из бедных семей (53,5%) как невозможность таковой из-за нехватки средств для получения более высокого профессионального образования[12]. Однако, на наш взгляд, в современных обществах существует огромный потенциал

---

[10] Любченко В.С. Социальная мобильность в современном обществе: основные тенденции // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2013. № 1. С. 196.

[11] Бурдье П. Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519.

[12] Буланова М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 3. С. 212.

для самообразования, не требующего больших материальных затрат. Достаточно вспомнить имена Стива Джобса и Била Гейтса, не окончивших курса университета, однако сумевших самостоятельно усвоить и творчески развить профессиональные знания, позволившие им подняться на самую вершину социального признания. При этом большая часть выходцев из бедных семей не использует данный ресурс в силу культурных стереотипов этой страты общества, прямо выраженных в поговорке «Меньше знаешь – крепче спишь». Таким образом, на практике подтверждается идея М. Вебера о наиболее значимом влиянии на изменения в социальной структуре именно факторов культуры и формы группового сознания.

В публикациях последних лет обращается внимание на то, что традиционные социальные лифты, какими являются институты образования и брака, уже не могут обеспечить восходящую мобильность для всех желающих. Возникает необходимость поиска новых форм повышения социального статуса, особенно для сельской и провинциальной молодежи, не имеющей задела высокой статусности по признаку принадлежности их семей к элитарным слоям общества. Такой новой гибридной формой восходящей социальной мобильности молодежи в российском обществе стала политическая активность, участие в политических партиях и движениях, и, вследствие этого, формирование новых ценностных установок отдельных индивидов и социальных объединений[13]. Таким образом, на практике подтверждается идея М. Вебера о наиболее значимом влиянии на изменения в социальной структуре именно факторов культуры и формы группового сознания.

С развитием индустриального общества, базисом которого стало товарное массовое промышленное производство, его структура заметно изменилась в сторону увеличения доли горожан и уменьшения сельского населения. Данное обстоятельство стало результатом процессов групповой социальной мобильности, продолжающейся до настоящего времени. Направленность миграционных потоков и новые формы расселения стали предметной областью дисциплины «урбанистика», в границах которой рассматривались такие вопросы, как социально-психологическое самочувствие человека в большом городе (Г. Зиммель, Э. Дюркгейм), маргинализация новых поселенцев (Р. Парк), ослабление традиций и внутренних связей внутри сообществ (Л. Вирт). В западной науке получили научную интерпретацию

[13] Сушко П.Е. Социальная мобильность сельской молодежи: институциональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 113.

проблемы городского планирования (характер застройки, инфраструктуры) и специфики городской культуры в целом (В. Брэдфорд). Отечественные социологи XX века открыли для себя тему города в 60-е годы «на фоне тотальной нехватки жилья»[14]. В этот период сформировался научный инструментарий, позволяющий при помощи использования бюджетов времени находить решение отдельных городских проблем – определения планировочной структуры городов, расчета и размещения учреждений обслуживания[15] и др.

Современные исследования социальной мобильности в регионах чаще всего касаются вопросов демографии, т. е. описания количественных и качественных характеристик народонаселения. В частности, регулярная общероссийская перепись населения представляется именно таким подходом. Вне демографических проблем примером анализа социальной мобильности посредством внутренней и внешней миграции может служить работа украинского социолога Т.А. Драгуновой, которая пытается выявить социальные факторы ее активности и направленности[16]. Она отмечает, что причины и формы миграционных процессов в столичном округе (г. Киев) принципиально отличны от перемещений населения в областных центрах, таких как Харьков, Одесса, Днепропетровск, Львов, Николаев и др. Специфика социально-экономической и социально-политической ситуации в Украине определила наличие двух сопоставимых форм миграции: внутрирегиональные и международные потоки. Т. А. Драгунова одним из социальных факторов, способных повлиять на изменение уровня миграции, определяет уровень безработицы и выводит следующую зависимость: уровень безработицы в большинстве областных центров приводил к уменьшению прибытия населения из периферии. При этом ею не отмечается и большого оттока населения из этих городов, что, по нашему мнению, может свидетельствовать о наличии дополнительных ресурсов обеспечения жизни, помимо производственного сектора.

Вторым по значимости фактором, влияющим на уровень социальной мобильности, Т.А. Драгунова считает объем введенного в эксплуатацию жилья. Она выявила, что данный показатель в большей степени оказывает влияние на уровень международной миграции, т.е.

---

[14] Яницкий О. Глава 6. Социология города // В. Ядов. Социология в России. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/jadov_sociologija/05.aspx

[15] Артемов В.А., Болгов В.И., Вольская О.В., Колобов Л.С., Пусеп А.Г., Сидляренко А.И., Яницкий О.Н. Статистика бюджетов времени трудящихся. М.: Статистика, 1967.

[16] Драгунова Т.А. Соціальні чинники міграційної мобільності мешканців обласних центрів україни // Демографія та соціальна економіка. 2011. №2 (16).

отсутствие перспективы приобрести собственное жилье вынуждает людей уезжать из областных городов чаще всего в другую страну. Напротив, увеличение ввода в эксплуатацию нового жилья стимулирует прибытие в город и сдерживает выбытие из него. Однако, по замечанию исследователя, данный фактор не всегда преобладает при решении населения о смене места жительства. Так, в промышленных центрах Украины взаимосвязь между вводом в эксплуатацию жилья и миграцией не столь заметна, и интенсивность миграционных процессов всегда достаточно велика, очевидно, вследствие постоянной ротации работников на промышленных объектах.

Т.А. Драгунова анализирует влияние на миграцию такого фактора, как размер средней заработной платы, который, по ее наблюдению, был достаточно ощутим[17]. Общий рост уровня заработной платы значительно снижал мобильность населения в международных перемещениях, но почти не влиял на миграционные потоки между городами Украины. Еще одной детерминантой социальной миграции, по убеждению исследователя, является объем реализованных услуг населению, прямо отражающийся на его социальном самочувствии. Она представляет данные, свидетельствующие о чрезвычайной значимости этого фактора в первую очередь для увеличения доли международной миграции, особенно в страны «нового зарубежья» (очевидно в Россию), и меньшую зависимость от него межрегиональных миграционных потоков.

Проведенное Т.А. Драгуновой в 2010 г. исследование уже тогда показало, что выявленные ею факторы (уровень безработицы, средняя заработная плата, ввод в эксплуатацию жилья и объем предоставляемых услуг) в большей мере стимулируют обмен населения с зарубежными странами. Современный политический кризис в Украине выявил самый важный фактор зарубежной миграции населения – утрату основного ресурса жизни – ее безопасность. Военные действия между правительственными войсками и ополченцами самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик привели к огромному потоку беженцев в Россию из этих областей. Разрушение производства, инфраструктуры, утрата имущества, очевидно, будут препятствием для скорого возвращения беженцев, даже если конфликт будет каким-то образом урегулирован.

---

[17] Драгунова Т.А. Соціальні чинники міграційної мобільності мешканців обласних центрів україни // Демографія та соціальна економіка. 2011. №2 (16). С. 115.

Самый острый интерес для нас составляет исследование социальной мобильности и связанной с ней миграционной активности населения в Республике Адыгея. В аналитических материалах государственных служб, в публицистике и СМИ она неоднократно анализируется с многообразных позиций. Можно наблюдать, что при рассмотрении миграции в Адыгее выявляется намного больше факторов влияния, чем, например, в Хабаровском крае, или в Украине. Наиболее острым вопросом при исследовании миграции становится вопрос демографии – очень быстрых и масштабных изменений в этнических, половозрастных, территориальных характеристиках населения Республики. Исследования последних лет, проведенные службами «Адыгеястст», ОФМС, комитетов исполнительной власти, показывают, что существует проблема депопуляции местного населения, его естественной убыли и постарения, сокращения средней продолжительности жизни, деградации генофонда нации[18]. Отмечается, что последние пять лет наблюдается постоянный прирост населения, при том, что естественный прирост населения постоянно отрицателен. Увеличение массы населения происходит механическим способом за счет мигрантов из стран ближнего зарубежья. Приводятся статистические данные за 2009 г., свидетельствующие о том, что на миграционный учет было поставлено 13188 иностранных граждан и лиц без гражданства, из которых 82% составили граждане республик, ранее входивших в состав СССР: из Украины – 27%, из Армении – 22,7%, из Узбекистана – 15,6%, из Азербайджана – 9,5%, из Таджикистана – 8,1% [19].

В то же время увеличивается число уроженцев Адыгеи, уезжающих за пределы Республики в другие регионы России (как правило, в Краснодарский край, Москву и Московскую область). Наиболее значимой причиной отъезда становятся экономические факторы – ограниченное число рабочих мест, более низкий по сравнению с экономически развитыми регионами уровень заработной платы, отсутствие перспектив профессионального и карьерного роста. Эти негативные факторы стали следствием социально-экономических и социально-политических процессов, начавшихся еще в советский период истории страны. Следует вспомнить, что до 90-х годов XX века административный цент Адыгеи – город Майкоп – являлся крупным индустриальным центром, на территории которого в три смены рабо-

[18] Миграционная обстановка в Республике Адыгея. URL: http://adygehase.ru/migracionnaya-obstanovka-v-respublike-adygeya/
[19] Там же.

тали промышленные предприятия общесоюзного значения, такие как заводы «Станконормаль», «Промсвязь» и «Майкопский машиностроительный завод», мебельная фирма «Дружба» и др. Коллективные предприятия сельского хозяйства региона (колхозы и совхозы) стабильно выпускали плодоовощную, мясомолочную и зерновую продукцию. Естественно, что в таких условиях миграция была весьма умеренная, так как население по месту своего жительства имело необходимое количество материальных, культурных и социальных ресурсов для удовлетворительного уровня жизни.

Ломка устоявшейся социально-экономической структуры в Адыгее, связанная с переселением целых населенных пунктов, началась еще в 70-е годы XX столетия. Строительство Краснодарского водохранилища для обеспечения оросительной системы кубанского рисоводства потребовало затопления десятков адыгских сел, жители которых были переселены во вновь построенный город «Адыгейск», по преимуществу в многоквартирные дома. Очень интенсивный и имманентно искусственный процесс урбанизации не мог не отразиться на образе жизни, изменении менталитета, ослаблении семейных связей и утрате некоторых этнических ценностей. Можно предположить, что жизнь в городских условиях, неимение достаточных земельных наделов для самообеспечения продуктами питания, для постройки новых домов, невозможность приобрести жилье, ограниченное количество рабочих мест и пр. непосредственно отразились на снижении уровня рождаемости с одной стороны, и, с другой стороны, создали предпосылку для миграции населения в другие региона России.

Как отмечается в аналитическом материале, размещенном на сайте Черкесского парламента «Адэгэ Хасэ» (общественной организации Республики Адыгея), значительным стимулом для начала интенсивных межрегиональных миграционных процессов стала кампания органов советской власти по борьбе с так называемыми «нетрудовыми доходами»[20]. Продажа сельской продукции, произведенной на собственных земельных участках, расценивалась как спекуляция и строго преследовалась. Личный труд на земле перестал являться основой самообеспечения и привел к большому оттоку жителей из аулов в город, где можно было устроиться на промышленное предприятие со стабильной заработной платой. Следующей причиной усиле-

[20] Миграционная обстановка в Республике Адыгея. URL: http://adygehase.ru/migracionnaya-obstanovka-v-respublike-adygeya/

ния перемещений жителей из сельской местности в город стал развал сельского хозяйства в постперестроечный период.

После распада СССР в 90-е годы в целом экономическая ситуация резко ухудшилась во всех секторах хозяйства и на селе и в городе. В докладе Черкесского парламента «Адэгэ Хасэ» указывается, что в этот период «десятки тысяч рабочих мест были потеряны, сотни предприятий прекратили существование. Потеря рабочих мест, профессиональная деградация привели к социальной депрессии, к бегству трудовых ресурсов, (в благополучные районы или зарубежье), - а это наиболее активная и сильная часть населения»[21]. Оставшееся местное население во многом утратила «социальную энергию», не подпитываемую стабильными семейными и этнокультурными традициями. Снижение пассионарности этносоциумов Адыгеи (русских и адыгов) стало причиной не способности удерживать принадлежащие им жизненные пространства, и постепенного вытеснения этнособществами, обладающими конкурентными преимуществами (высокая рождаемость, более низкие социальные и материальные стандарты). Переселенцы приносят с собой другую культуру, уклад жизни, другие ценности, часто вступающие в противоречия с местными традициями, что приводит к социальной напряженности и даже к открытым конфликтам.

Таким образом, исследование социальной мобильности в Адыгее сегодня, помимо количественных аспектов, должны носить системный характер. Наиболее важным аспектом таких исследований может стать выявление не только причин выездной миграции местного населения, ни и качественные изменения социального самочувствия и в целом общественного сознания, как оставшегося населения, так и выбывшего. Важными вопросами подобных аналитических программ могут стать:

- эффективность социальных лифтов для различных категорий населения, таких как образование, участие в политических организациях, стабильная занятость, брак, миграция и пр.
- уровень готовности индивида на смену места жительства;
- приоритетные причины для смены места жительства;
- основные причины, заставляющие не покидать своего места жительства;

[21] Миграционная обстановка в Республике Адыгея. URL: http://adygehase.ru/migracionnaya-obstanovka-v-respublike-adygeya/

- характер изменения социального статуса выехавших по основным критериям (материальное положение, уровень образования, престиж профессии, допуск к власти);

- диаспоризация, либо ассимиляция выехавших за пределы Республики и пр.

Научное осмысление поставленных вопросов может дать необходимую базу для формирования рациональной миграционной политики в Республике Адыгея, помочь в решении демографических проблем, увидеть реальные перспективы социокультурного облика регионального сообщества.

В итоге анализа современных исследований по проблематике социальной мобильности можно сформулировать некоторые выводы.

1. Анализ социальной структуры и социальных процессов, как на глобальном, так и на региональном уровнях, чаще всего проводится с позиций экономического детерминизма.

2. Большой сегмент исследований социальной мобильности в современных обществах базируется на анализе миграционных процессов внутрирегионального и межгосударственного типов.

3. Наиважнейшим аспектом региональных исследований миграции как способа социальной мобильности является вопрос демографических трансформаций, создающих социальную напряженность и меняющих социокультурный облик территорий.

4. Почти отсутствуют системные исследования социальной мобильности и миграции на региональном уровне, сочетающие количественные изыскания и качественный анализ мигрирующего сообщества относительно его социального самочувствия, уровня сохранности этнокультурной идентичности как необходимого условия поддержания целостности общества и государства.

Таким образом, в современных прикладных исследованиях остаются не до конца реализованными направления, касающиеся в первую очередь социокультурного детерминизма социальной мобильности. Данный вектор научного поиска особенно актуален для анализа миграционных процессов в полиэтничных региональных сообществах, зачастую находящихся в ситуации обострения социальной напряженности. Настоящее учебное пособие поможет будущим управленцам эффективно осуществлять миграционную политику на научной основе.

1. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Большой социологический словарь определяет социальную мобильность (*social mobility*) как перемещение индивидуумов (иногда групп) в обществе между различными позициями в иерархии социальной стратификации. Классовое положение в рамках структуры занятости в современных обществах обычно пользуется первостепенным вниманием в исследованиях социальной мобильности[22]. Понятие социальной мобильности, используемое в социологических исследованиях неравенства, означает перемещение индивидов между различными уровнями социальной иерархии, определяемой обычно с точки зрения широких профессиональных или социально-классовых категорий. Уровень социальной мобильности часто используетсякак показатель степени открытости и подвижности общества. В рамках исследований мобильности рассматриваются уровни и образцы мобильности («небольшой дальности» (*short-range*) – между смежными иерархическими уровнями и «значительной дальности» (*long-range*) – между отдаленными уровнями), а также вопросы о том, кто рекрутируется на те или иные позиции и какие факторы определяют результаты этого отбора. Такое определение дает социологический словарь Амберкромби и Хилла[23]. По В.И. Добренькову и А.С. Кравченко, социальная мобильность – это совокупность социальных перемещений людей в обществе, т.е. изменений своего статуса[24]. Во всех трех определениях есть достаточное количество схожих черт, но каждый автор понимаем социальную мобильности в определенном ключе.

Рассмотрим эволюцию понятия социальной мобильности и теоретических подходов к изучению данного процесса.

Родоначальником социальной мобильности по праву считается российский и американский социолог, выдающийся ученый XX века **Питирим Сорокин**. В книге «Социальная мобильность» Питирим Сорокин определял социальную мобильность как любое перемещение индивидуального или социального объекта или ценности – всего, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, – из одного положения в другое[25]. Таким образом, Сорокин говорит о том,

---

[22] Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь; Collins, 1999.
[23] Аберкромби,Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М.: Экономика, 2004.
[24] Добреньков В.И., Кравченко, А.С. Социология: учебник. М.: Инфра-М, 2009.
[25] Сорокин П. Социальная мобильность. М.: Academia: LVS, 2005.

что существует социальная мобильность индивидов, социальных объектов и ценностей. Примером может служить смена статуса человека или перевезенный из Калифорнии в Нью-Йорк автомобиль. Важность заключается в изменении положения.

Говоря о социальной мобильности, Питирим Сорокин, понимал общество как стратификационное образование и смену позиций человека обуславливал с позиций структуры общества. Но также автор писал, что все позиции в социальной структуре общества, в особенности профили профессиональной стратификации колеблются от института к институту, от группы к группе, от города к деревне, от общества к обществу. Если взглянуть на современное общество, то при разнице в понимании профессии «сантехник» в Германии и в России, происходит и разница в социальном статусе представителей данной профессии в этих странах. Если в Германии сантехник – это передовая и хорошо оплачиваемая профессия, то в России это не так. Тоже самое можно сказать и об уровне дохода в городе и в деревне, где люди с одной и той же профессией будут иметь разный социальный статус и доход.

Анализируя такой процесс, как социальная мобильность, Сорокин выделяет социальную мобильность вертикальную и горизонтальную, межпоколенческую и внутрипоколенческую.

Под *горизонтальной мобильностью* понимается процесс изменения социального положения в обществе без изменения своего статуса, например перемещения без подъема по социальной лестнице, или смены места работы, учебы. Территориальные изменения положения, которые определяются как миграция, также являются частью горизонтальной социальной мобильности по мнению Сорокина.

Изучению же *вертикальной мобильности* отдается больше значения, так как она ведет за собой неотъемлемую смену социального положения: либо падение, либо подъем. Изменить свое положение индивид может за счет собственного роста в развитии, образования, брака, церкви или армии, которые выступают социальными лифтами, или путем долгой и кропотливой работы в профессиональной сфере. Также, когда происходят крупные социальные изменения социальной структуры, появляются новые группы в обществе, при помощи вхождения в которые можно изменить социальный статус. Те же самые механизмы действуют и при нисходящей мобильности или потере своих социальных позиций в обществе. Сорокин пишет, что верти-

кальная мобильность может быть экономической, политической и профессиональной.

Говоря о темпах социальной мобильности, автор отмечает, что скорость перемещений и их темпы не всегда зависят от типа общества, также и нет ни одного полностью закрытого общества и полностью мобильного общества. Люди, находящиеся на высших ступеньках общественного строя всегда с негативом и настороженностью относятся к тем, кто пытается достичь их статуса самостоятельно. Вертикальная восходящая мобильность тщательно контролируется путем определенного отбора. Этот «отбор» Сорокин называет «социальным ситом». Выражается это в том, что чтобы получить хорошую работу нужно закончить хороший университет, пройти тест на интеллектуальное развитие или ряд тестов по специальности. Это и есть социальное сито, проверка, после успешного прохождения которой человека допускают до высшего уровня социальной иерархии. Одним из таких «сит» является школа, которая на основании успеваемости школьников ранжирует список талантливых и не очень. Последних выгоняют из школы, первые спокойно поступают в университеты. Такая система отбора, с одной стороны, ограничивает возможности на получение качественного образования для всех, с другой стороны, обеспечивает поступление в университеты только самых умных и талантливых.

Сорокин также писал о том, что социальная мобильность влияет на поведение и адаптацию индивидов. Во-первых, это связано с наличием определенной ролевой модели, присущей каждому социальному статусу. Во-вторых, Сорокин понимал «интеллект» как быструю адаптацию разума к изменениям. Исходя из этого, автор показал на исследованиях, что высшему классу соответствуют жесткие, властные, беспринципные черты характера. Сорокин объясняет это тем, что люди с мягким и покладистым характером не смогли бы удерживаться на верхушке общества.

Питирим Сорокин стал первым ученым, рассмотревшим вопросы социальной мобильности. После него идею перемещений разрабатывали его ученики и последователи, а также представители других течений в американской, европейской и отечественной социологии.

Толкотт Парсон, ученик Питирима Сорокина и выдающийся ученый и социолог, разработал парадигму структурного функционализма, где заложил дальнейшие основы развития понимания социальной мобильности в рамках статусно-ролевой системы. Парсонс писал, что в системе общества существуют социальные институты,

которые выполняют функции и транслируют их в общество. С определенной позицией человека в социальном институте связано и его поведение, о чем говорит статусно-ролевая система. В ней заложен механизм перенимания ролевых характеристик в зависимости от занимаемого в обществе статуса. Например, роль врача подразумевает определенное поведение, отличное от роли отца или роли чиновника. Когда один человек является носителем нескольких не соответствующих друг другу ролей, начинается ролевой кризис. Чтобы из него выйти, необходимо отказаться от определенных ролей.

Роберт Мертон продолжил работать в парадигме структурного-функционализма, но добавлял, что помимо функций, социальные институты могут транслировать и дисфункции. Это происходит во время общественных кризисов, когда общество находится в состоянии аномии – хаоса и деструктрализации. В такое время функции социальных институтов переходят в дисфункции. Роберт Мертон также говорит о другом пути социализации. Когда человек не может социализироваться в социальные институты и интегрироваться, то начинает социализироваться в девиантные сообщества, такие как мафия и преступные группы. Причем во втором случае социализация может быть успешной и привести к интеграции в девиантные сообщества, но будет служить негативным фактором для развития общества в целом. И тогда социальная мобильность может осуществляться по карьерной лестнице в девиантном сообществе, что также не отнимает возможности как вертикальной, так и горизонтальной мобильности.

Энтони Гидденс пишет, что социальная мобильность обозначает перемещение отдельных людей или групп по социально-экономическим позициям[26]. Вертикальная мобильность означает движение вверх или вниз по социоэкономической шкале. Про тех, кто приобретает новую собственность, чьи доходы и статус повышаются, говорят, что для них характерно социальное продвижение, восходящая мобильность, а о тех, чье положение изменяется в противоположном направлении, - нисходящая мобильность. В современных обществах распространена также горизонтальная мобильность, которая означает географическое перемещение между районами, городами и т.д.

Гидденс отмечает, что степень вертикальной мобильности общества – главный индикатор его «открытости», показывающий, насколько велики шансы талантливых людей из низших слоев обще-

[26] Гидденс Э. Социология. М., 1992.

ства достичь верхних ступеней социально-экономической лестницы. Здесь также горизонтальная мобильность понимается и как территориальное, географическое перемещение между городами, странами. Вертикальная мобильность служит инструментом продвижения вверх талантливых людей из низших слоев.

Как можно увидеть, идеи социальной мобильности тесно переплетаются с изучением *социального неравенства*, так как именно социальная мобильность является механизмом социального неравенства. Поэтому основы социальной мобильности были заложены в парадигме структурного функционализма и продолжены в изучении теорий социального неравенства. Когда общество разделено на классы и страты по уровню дохода или другому параметру деления, когда один класс выше по статусу и доходу, чем другой, можно говорить о возможности социальной мобильности как между классами, так и внутри класса. И именно социальная мобильность, ее вертикальная составляющая, как перемещение вверх или вниз по социальной лестнице, влияет на структуру социальных классов в обществе в целом. А значит и влияет на само социальное неравенство, поэтому можно с уверенностью сказать, что социальная мобильность функционирует как механизм социального неравенства.

Феномен социальной мобильности активно изучался и в теориях социального неравенства представителями американской школы социологии XX века. Для того чтобы рассмотреть теории социального неравенства и место социальной мобильности в них, определим, что такое социальное неравенство.

Неравенство – условия, при которых люди имеют неравный доступ к таким социальным благам, как деньги, власть и престиж[27]. Одними из первых социальное неравенство в рамках социальной стратификации рассматривали **К. Дэвис и У. Мур.** Американские социологи описывают данное явление и причину существования системы стратификации в неравномерном распределении благ и общественного престижа. Главная причина социального неравенства в том, что каждое общество обладает определенным набором благ, которые нужно распределить между всеми членами данного общества. Такая причина заставляет общество размещать индивидов в определенной иерархии и распределять в рамках нее своих членов по различным социальным позициям. Для того, чтобы стимулировать данные рас-

[27] Смелзер Н. Социология. М., 1992.

пределения, общество использует различные виды выгод, которые можно использовать как стимулы. Чтобы стимулирование было эффективно, выгоды должны распределяться не равномерно, а в зависимости от позиции в общественной иерархии или в социальной структуре общества. Таким образом, вознаграждение становится частью устройства данного общества и ведет за собой возникновение стратификации.

Вознаграждение происходит за счет: предметов, обеспечивающих средства существования и комфорт; средств для удовлетворения различных склонностей и развлечения; средств для укрепления чувства собственного достоинства и самовыражения. Дэвис и Мур считали, что именно «социальное неравенство» является тем механизмом, который обеспечивает выдвижение и получение лучших позиций наиболее компетентными представителями общества. Данная концепция развивается внутри парадигмы структурного функционализма, поскольку общество рассматривается здесь как целое, внутри которого действуют свои структуры, законы и порядки. Социальное неравенство существует во всех обществах, по теории Дэвиса и Мура.

Г. Ленски в своих исследованиях подтверждает тот факт, что социальное неравенство существует и в слабо развитых обществах. Ленски подчеркивает, что в примитивных обществах неравенство сильнее, чем в индустриальных странах. В своей книге «Власть и привилегии. Теория социальной стратификации» (1966) автор выдели несколько стадий социальной стратификации[28].

Первая стадия в их схеме периодизации истории человечества - общества охотников и собирателей. Из них возникают, с одной стороны, простые огороднические общества, с другой специализированные рыболовецкие общества. Последние представляют собой боковую ветвь развития. Магистральная линия эволюции представлена простыми огородническими обществами, которые затем трансформируются в продвинутые общества. В обоих типах огороднических обществ земля обрабатывается при помощи копательных палок и мотыг, но в первых используются деревянные орудия, а во вторых – появляются орудия из металла.

Из простых огороднических обществ далее возникают простые скотоводческие (пастушеские) общества, которые в последующем превращаются в продвинутые пастушеские общества. Скотоводческие

[28] Семенов Ю.И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003.

общества, как и рыболовецкие, – боковая линия развития. От магистральных обществ происходят простые аграрные общества, а далее – продвинутые аграрные общества. Параллельно с аграрными обществами могут существовать отделившиеся от них морские общества, главное занятие в которых – заморская торговля. Из продвинутых аграрных и возникают индустриальные общества. Так Ленски описывает эволюцию общественного развития. Что же касается неравенства,

Ленски писал о том, что наибольший уровень неравенства характерен для аграрных обществ, так как усовершенствование сельскохозяйственной техники способствовало повышению производства продуктов питания. В результате большее количество людей могло проживать на небольшой территории; малые и крупные города могли обеспечиваться прилегающими к ним сельскохозяйственными районами. В аграрных обществах, как и в садоводческих, люди, исполняющие роль политического лидера или священника, находятся в более выгодном положении, они обладают намного более крупными ресурсами. Власть может концентрироваться в руках монарха и передаваться по наследству. Отдельные индивиды и семьи также могут овладеть крупными участками земли и получать доходы за счет труда других людей. В аграрном обществе в руках правителей содержится больше власти, так как им необходимо контролировать большую сферу деятельности. Именно поэтому, по мнению Ленски, в промышленных обществах неравенства меньше, чем в аграрных, так как первым свойственна меньшая концентрация власти. Несмотря на явную тенденцию к большему равенству на более высоких уровнях экономического развития, в индустриальных странах процветает неравенство (особенно по уровню доходов). В развитых странах достигнуто большее равенство, чем в развивающихся, а таким образом, и больший уровень перемещений между обществами и больший уровень социальной мобильности.

Но существуют и другие периодизации пути развития обществ. Одно из них делит общество на три вехи развития – это премодерн, модерн и постмодерн. Американский ученый **Нейл Смелзер** писал: «Мы употребляем термин «модернизация» для характеристики сложной совокупности перемен, происходящих почти в каждой части общества в процессе его индустриализации. Модернизация включает постоянные перемены в экономике, политике, образовании, в сфере традиций и религиозной жизни общества. Некоторые из этих областей меняются раньше других, но все они в той или иной степени

подвержены изменениям»[29]. Ведущим среди всех названных процессов Н. Смелзер считал индустриализацию. Такого мнения придерживались многие исследователи. Поэтому важнейшей задачей науки они считали создания концепции индустриализации, а тем самым и теории экономического прогресса.

Самая известная такая концепция была создана американским экономистом Уолтом Уитменом Ростоу, суть которой состояла в том, что каковы бы ни были исходные формы премодерного общества процесс модернизации неизбежно ведет к единству.

Смелзер также описывает социальную мобильность в своем труде «Социология». Под социальной мобильностью автор понимает изменение положения индивида в стратификационной системе под воздействием трех факторов:

1) вертикальной или горизонтальной мобильности;
2) реорганизации социальной структуры или
3) введения новой системы стратификации.

Первый фактор по смыслу и содержанию схож с определением вертикальной и горизонтальной мобильности, данным Питиримом Сорокиным. Рассмотрим второй и третий факторы социального изменения статуса по Смелзеру.

Реорганизация социальной структуры означает, что изменение структуры общества влечет за собой создание новых возможностей для социальной мобильности. Как пример, автор приводит большой спрос на специалистов в области ИТ-технологий на современном рынке труда. Научный технический прогресс в XX веке привел к тому, что люди начали активно использовать интернет в повседневной и рабочей жизни, что повлекло за собой спрос на специалистов в данной области, стали появляться специальные направления подготовки студентов в вузах, отдельные факультеты и курсы. Многие люди улучшают свой статус в обществе, когда находят работу в данной сфере, так как она оплачивается сегодня выше, чем физический труд. Также по аналогии можно привести пример с феноменом XXI века – социальными сетями. Их появление не только повлекло за собой спрос на смартфоны, планшеты и прочие гаджеты, позволяющие находиться «в контакте» 24 часа в сутки, но и открыло для рынка труда новые сферы занятости. Стали появляться такие профессии, как SMM-менеджер, медиаменеджер, менеджер по работе с социальными

[29] Смелзер Н. Социология. М., 1992.

сетями – все эти вакансии требуют от работника 8-мичасовой работы с социальными сетями, раскрутку социальных групп определенных компаний. Таким образом, изменения в социальной структуре, смена труда, реорганизация определенных структур влечет за собой и новые возможности в социальной мобильности.

Рассмотрим третий фактор – новая система стратификации. Смелзер пишет, что система стратификации может изменяться. Имеется в виду возможные революции и перемещения социальных классов, которые были внизу, наверх. Но не только революционным путем могут идти изменения в стратификации. Она может меняться в течение длительного времени, как например, переход от феодального строя к мануфактурному производству и появлению промышленности. Смелзер, также приводит интересные и весомые исследования мобильности. Рассмотрим некоторые из них.

Социологи Липсет и Бендикс исследовали наличие коэффициентов вертикальной мобильности в разных странах. Изучение данного вопроса показало, что в промышленных обществах коэффициенты вертикальной мобильности практически одинаковы, но следует сказать, что авторы не учитывали особенности скорости социальной мобильности. А именно в этом и были наибольшие различия. Не всегда есть возможность быстро и легко поменять свой статус.

Э. Гидденс описал социальную стратификацию общества на основании различных типов, таких как рабство, касты, сословия и классы. Чем дальше шло развитие общества, тем больше появлялось подклассов, но стратификация становится более открытой[30]. В обществах, где можно перемещаться между стратами, существует социальная мобильность. Наибольшее влияние социальной мобильности на социальное неравенство можно проследить в классовой системе стратификации[31].

Первым понятие социальной мобильности ввел Питирим Сорокин. После него как представители американской социологии, так и ученые по всему миру начали изучать социальную стратификацию по средствам глубокого исследования социальной мобильности. В американской социологии также теорию социального неравнества разрабатывали такие авторы, как **Блау и Дункан**. В своих исследованиях они пришли к выводу, что коэффициенты социальной мобильности в профессиональном контексте от рабочих специальностей к професси-

[30] Гидденс Э. Социология. М., 1992.
[31] Там же.

ям конторских служащих соответствуют единому эквиваленту в развитых странах. Но когда авторы попытались разделить два профессиональных уровня на более узкие, то смогли увидеть качественные отличия. В США коэффициент мобильности от рабочих должностей к высоким должностям выше, чем в любой другой стране[32]. Блау и Дункан вследствие данных исследований сделали заключение, что такой результат говорит о наличии общедоступного массового образования и, по сути, отсутствия закрытых границ между общественными классами в США.

В Великобритании на базе Кембриджского университета учеными во главе с **Голдторпом** рассматривались вопросы социальной мобильности в Англии. Голдторп выделил 11 классов, существующих в современной Британии и в своих лонгитюдных исследованиях 2-х когорт людей, родившихся в 1958 году и в 1971 году и сравнение с их социальным и материальным положением на сегодняшний день, Голдторп показывает, что мобильность в Англии довольно высока. Примерно четверть людей смогла поменять свое низкое положение (в основном средний и рабочий классы) на более высокое (попасть из рабочего класса в средний, из среднего в высший). Так и из класса зажиточных около 20% опустились в классы ниже, что показывает довольно высокий уровень мобильности, по мнению автора[33].

Межпоколенческая мобильность, которую рассматривают британские социологи не только выступает механизмом социального неравенства, но и дает определенное представление о структуре данного общества. Несмотря на свою подвижность, другие социологи считают, что в Великобритании довольно закрытая классовая система, которая без определенного статуса, полученного по наследству и дохода, не дает возможности далеко продвинуться по восходящей социальной лестнице.

Питер Саундерс в книге «Мифы социальной мобильности» выделяет 4 класса на основании деления, предложенного Голдторпом, где первый класс – это класс зажиточных, богатых людей, второй класс – средний класс, третий класс – класс рабочих и последний, четвертый класс – это класс самой бедной когорты людей[34]. Перемещения между данными классами существуют на основании исследо-

---

[32] Смелзер Н. Социология. М., 1992.
[33] Peter Saunders. Social Mobility Myths.Civitas: Institute for the Study of Civil Society. London, 2010.
[34] Там же

ваний Голдторпа, но движение от низшего класса к высшему происходит в редких случаях. Эриксон и Голдторп, предлагают, что перемещения также коррелируют с доходами.

2. СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Социальная мобильность – системное явление, отражающее объективную сторону процесса социализации индивида (содержание и направления социально-экономической, образовательной, культурной политики, а также функции, принципы, задачи в управлении обществом, законодательные, нормативно-правовые, организационные, поведенческие и иные условия социального бытия) и субъективную (комплекс основных личностных качеств, также определяющих содержание и направление социальной мобильности).

Объективная и субъективная стороны процесса социальной мобильности индивида, или объективные и субъективные ее факторы, находятся в постоянном взаимодействии. Их результатом является горизонтальный, вертикальный и другие типы мобильности людей в обществе. В свою очередь объективные и субъективные факторы составляют две подструктуры в структуре социальной мобильности индивида. Предложенная в данной статье структура социальной мобильности индивида может служить теоретической основой управления этим видом мобильности в условиях передвижения людей между социальными, профессиональными, культурными, образовательными институтами, социальными общностями, группами.

Эта структура может служить теоретической основой построения и функционирования социальных лифтов, соединяющих различные, преимущественно институционализированные, социальные институты в обществе и государстве. *Социальный институт (social institution) – совокупность ценностей, норм, культуры, предписаний и требований, связанных с определенной организационной структурой, посредством которых общество контролирует и регулирует деятельность индивидов в наиболее важных сферах общественной жизни.* Социальные институты, как правило, являются исторически сложившимися устойчивыми формами организации совместной деятельности и взаимодействий индивидов.

Институты не всегда осознаются индивидами, но регулируют их действия. А для обеспечения соблюдения норм, предписаний и требований социального института в обществе, как правило, создаются и функционируют соответствующие социальные организации[35]. Концептуализация построения современного научного взгляда на социальную мобильность позволяет сделать вывод, что ее следует понимать в следующих значениях: явление; качество и ресурс, свойственные индивиду; процесс индивидуальной и групповой социализации людей, процесс реализации индивидами личностных качеств, определяющих их способность к социальной мобильности; определенный результат социальной деятельности (реализованный потенциал мобильности) индивида за определенный период; критерий оценивания процессов социализации, социальной деятельности и активности индивида.

С точки зрения личностных качеств индивида социальную мобильность можно понимать как присущую ему индивидуальную состоятельность и готовность находить и изменять социальную категорию, состояние, статус, форму социальной деятельности, умение быстро ориентироваться в ситуации, самоорганизовываться, быстро и успешно овладевать новыми видами социальной деятельности, коммуникации и взаимодействия. Это качество индивида проявляется в приобретении им достаточного собственного ресурса, ценностно-ориентационных (внутренних мотивационных) качеств, социальной компетентности, культуры, социального опыта, иных качеств, обеспечивающих эффективность и результативность социальной деятельности, быстрое выполнение поставленных перед индивидом социальных задач в различных условиях социально-профессиональных, социально-культурных, функционально-статусных и иных перемещений в структуре социального бытия.

Итак, под социальной мобильностью понимаются качество, процесс, результат процесса, критерий оценивания вертикальных и горизонтальных перемещений индивида или социального объекта из одной социальной позиции в другую. Социальная мобильность как качество индивида, личности – важное условие для того, чтобы стать успешным в обществе. Определение нами концепта и основных значений понятия «социальная мобильность» указывает на то, что ее

[35] Римский В.Л. Преодоление коррупции в системе образования России: Доклад Московского бюро по правам человека. 31 мая 2010 г. // URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-513473.html.

структура позволит представить ее составные элементы, которые, в свою очередь, дадут возможность определить принципы ее формирования, критерии оценивания данного вида мобильности и управления им со стороны, условно говоря, самой социальной среды. Осуществление объективного оценивания качеств, определяющих индивидуальную готовность и способность индивида к социальному виду мобильности, в свою очередь, позволит конкретизировать комплекс общих функций (принципов) управления, с целью их развития в обществе с учетом индивидуальных возможностей индивидов.

Основными видами мобильности, в которых осуществляется социальная деятельность индивида, на наш взгляд, является социальная, академическая, культурная, социокультурная, профессиональная (рис. 1). Все указанные виды мобильности человека объективно влияют на процесс социализации, и это влияние взаимно. Социальная мобильность человека формируется, главнымобразом, в профессиональной, академической, культурной, социокультурной средах. Итак, социальная мобильность формируется как в суммарном отображении указанных видов мобильности, так и в конкретной индивидуальной конфигурации отдельных видов мобильности индивида, что обусловливается видами основной и сопутствующей социальной деятельности, свойственными в данный момент тому или иному индивиду.

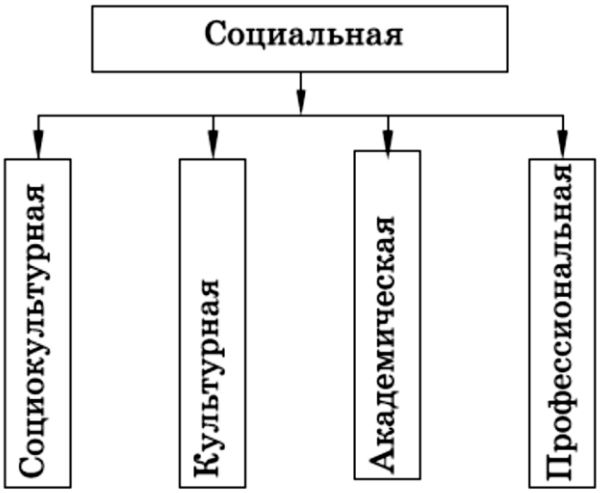

Рис.1. Взаимодействие видов мобильности (вариант 1).

С другой стороны, перечисленные виды мобильности можно считать разновидностями социальной, что существенно не влияет на результативность научных исследований по этой проблеме при условии четкого выделения предмета исследования, в котором важно учи-

тывать основные и сопутствующие виды деятельности индивида, их конфигурацию в конкретном ракурсе и моменте исследования (рис. 2).

Рис. 2. Взаимодействие видов мобильности (вариант 2)

В этом смысле академический, культурный, социокультурный виды мобильности обусловливают содержание и траектории движения индивида в обществе, влияя на их содержание и динамику, определяя место индивида в социальной (а также в профессиональной, культурной, академической (образовательной) сферах). Таким образом, структура социальной мобильности индивида сочетает в себе различные функции (принципы) социальной среды, влияющие на индивида в процессе его социального становления, социального самоопределения и изменения.

Объективным фактором формирования социальной мобильности является социальная среда (*social environment*) – совокупность материальных, экономических, социальных, политических и духовных условий существования, формирования и деятельности индивидов и социальных групп. Социальная среда включает политику, экономику, некоммерческую и общественную сферы, а также общественное сознание и культуру в широком смысле, т. е. не только искусство и литературу, но и нормы взаимодействий индивидов между собой, стереотипы социального поведения и т. п. Поэтому социальная среда для каждого индивида включает и его ближайшее социальное окружение, т. е. семью, профессиональную, учебную и другие социальные группы, в которые индивид входит. Социальная среда во многом неосознанно

для индивида формирует его психику и его бессознательное, а также неосознаваемые мотивы его социального поведения[36].

Наибольший интерес представляют «социальная макросреда», охватывающая экономику, общественные институты, общественное сознание и культуру, а также «социальная микросреда», включающая непосредственное окружение человека – семью, трудовую, учебную и другие группы. Подчеркивая сложность воздействия социальной среды на индивида, именно семья, учебные заведения, общественные, профессиональные институты (в системе социальных институтов) являются теми «механизмами», которые в своем взаимодействии создают социальный лифт, ведущий индивида вверх в социальной иерархии.

В то же время социальная среда – прежде всего люди, объединенные в различные группы, общности, формальные и неформальные институты, с которыми каждый индивид находится в специфических отношениях, в сложной и разнообразной системе коммуникаций и взаимодействия. Социальная среда не просто «формирует» личность в процессе деятельности. Социальная среда, окружающая личность, обладает активностью, воздействует на человека, ориентирует, мотивирует, адаптирует, обучает, воспитывает его, регулируя, подчиняя социальному контролю, увлекая, «заражая» соответствующими «моделями» поведения, побуждая, а нередко и принуждая индивида к определенной направленности социального поведения и деятельности. Социальную среду не как «фактор», а как «источник» развития личности рассматривал **Л.С. Выготский.** Таким образом, социальная среда, с нашей точки зрения, оказывает сильнейшее влияние на человека, являясь источником, питающим развитие личности, прививает ей общественные нормы, ценности, роли и т. д., одновременно выступая объективным фактором, создающим условия воздействия на нее.

Факторы социальной мобильности индивида были нами определены с применением системного, структурного, структурно-функционального анализа, процессуального назначения социальной среды. В первую очередь это касается ее институтов: дошкольных заведений, школы, высших учебных заведений, армии, в целом – политической, экономической, культурной, общественной, профессио-

[36] Римский В.Л. Преодоление коррупции в системе образования России: Доклад Московского бюро по правам человека. 31 мая 2010 г. // URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-513473.html.

нальной и иных сфер деятельности индивида. С позиции процессуального подхода основным процессом влияния социальной среды на индивида является формирование и развитие его социальной мобильности. Этот процесс достигается осуществлением социальной средой комплекса взаимосвязанных функций. Под функцией (от лат. *functio* – исполнение, осуществление) понимается проявление свойств объекта в системе его отношений. В.С. Леднев указывает, что функция в социологии – роль, которую выполняет социальный институт или процесс по отношению к целому, например, функция государства, семьи и т. д. в обществе[37]. Забегая вперед, подчеркнем, что В.С. Леднев рассматривает понятие «функции системы образования в обществе», что указывает на возможность применения функционального подхода к определению сущности тех или иных социальных институтов. Указанный нами комплекс взаимосвязанных функций социальной среды является необходимым для формирования и развития социальной мобильности индивида.

Рис. 3. Объективные факторы социальной среды, в которой развивается или деформируется социальная мобильность индивида, и детерминированные ими функции социальной среды (объективные факторы социальной мобильности – подструктура 1).

[37] Леднев В.С. Научное образование: развитие способностей к научному творчеству. 2-е изд., исправ. М.: МГАУ, 2002. С. 11.

Вернемся к структуре социальной мобильности индивида. Выделенные нами факторы позволяют лучше понять влияние внутренних и внешних (объективных и субъективных) факторов влияния социальной среды на индивида. Эти факторы главным образом определяют качество, содержание, направление, результаты его социального развития.

Определение факторов социальной мобильности позволяет определить объективные и субъективные ее факторы как факторы системного, сложного, широкого, но структурированного процесса их взаимодействия. Они определяют направление и содержание длительного процесса социального становления развития индивида, функции (принципы) социальной среды в развитии данного вида мобильности. Подструктура 1 определена с использованием структурного и структурно-функционального анализов факторов, влияющих на развитие социальной мобильности, и функционально-процессуального назначения социальной среды.

Таким образом, указанные факторы детерминируют функции социальной среды, необходимые для поддержки и развития социальной мобильности индивидов: социальная ориентация; социальный отбор (подбор); социальная адаптация; социальная мотивация; социальная активизация; оценивание; образование (обучение); социальное воспитание. Это – объективные факторы социальной мобильности.

Подчеркнем, что данный вид мобильности может выступать не только линейным (вертикально-горизонтальный тип), а циклическим процессом (первичный и вторичный ее тип). Например, в условиях совмещения различных социальных, культурных, профессиональных и прочих ролей социальная мобильность индивида может приобретать линейную форму (содержание) относительно основного места социальной деятельности (в т. ч. профессиональной) и параллельную (циклическую, относительно первой).

Указанные на рис. 3 элементы составляют функциональное содержание социальной среды. Процессы социализации и социальной деформации, которые в нем происходят, иногда воспринимаются статично, в виде причин или последствий социального развития индивида, влекущих за собой социальную деформацию. Однако все вышеупомянутые процессы так или иначе детерминированы функциями (принципами) социальной среды. С другой стороны, объективно существующая социальная среда таким же образом изменяется в зави-

симости от конкретного содержания развития самого общества, политической, правовой, экономической, культурной, социальной и других подсистем (сфер) общества. Реформы влекут за собой изменение многочисленных средств мотивации, систем образования, культурных, социальных стандартов, ценностных ориентаций, внутренних мотиваций, норм деятельности и поведения, неизбежно влекущее за собой изменение требований к ценностно-ориентационным и компетентностным качествам человека. И это – процесс перманентный, поскольку «развитие личности всегда происходит в активном ее взаимодействии с социумом, внешним миром...»[38]. Сущность личностных качеств, личностного компонента деятельности проявляется положением, позицией человека во взаимоотношениях его с другими людьми, раскрывается в его жизненных целях и стоящих за ними внутренних ориентациях, мотивах, намерениях, сформированных компетентностях, в способах поведения и средствах действия применительно к общим целям и задачам.

Если же идет речь о профессиональном развитии, то первичной оболочкой, в которой индивид развивается, выступает профессиональная среда, тесно взаимодействующая с социальной, с ее более широкими правами и обязанностями, регламентированными гражданским законодательством. А.И. Турчинов указывает, что в структуре человеческой деятельности выделяются: субъект (труд), объект (предмет труда), средства деятельности (орудия труда) и среда, в которой она происходит[39]. На фоне определенной нами социальной среды, наполненной влияниями объективных факторов (принципов) социальной мобильности, которые, в конечном итоге, и определяют качество конкретной социальной среды, развиваются индивидуальные качества индивида, определяющие конкретную конфигурацию и содержание социальных перемещений, компетентность, профессионализм (в рамках профессиональной мобильности), на протяжении всей жизни человека (рис. 4).

---

[38] Ребкало В. Психологічні чинники розвитку управлінських навиків особистості державного службовця в Україні / В. Ребкало, М. Пірен // Вісн. УАДУ. 1999. № 4. С. 235–243.

[39] Турчинов А.И. Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. М.: МПСИ; Флинта, 1998. С. 38

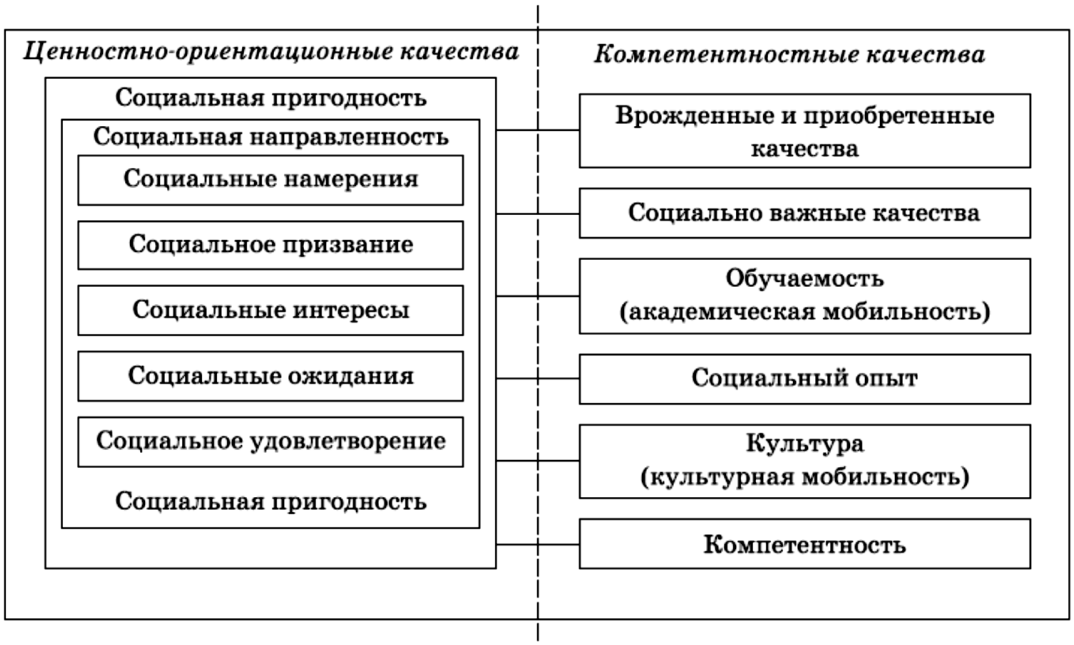

Рис. 4. Комплекс качеств, развивающих внутреннюю потребность индивида, в социальной мобильности (субъективные факторы социальной мобильности – подструктура 2).

Комплекс этих качеств, в свою очередь, разделяется на ценностно-ориентационные, указывающие преимущественно на внутреннюю ориентацию и внутреннюю мотивацию индивида на социальную мобильность; и на компетентностные качества, проявляющиеся в деятельности, на которых базируются социальная (гражданская) и профессиональная компетентности, профессионализм кадров как интегрированные характеристики. Комплекс качеств, внесенных в подструктуру 2, можно характеризовать как социально мобильные качества индивида. Формирование мобильных личностных свойств обусловливается уже известными науке социальными взаимодействиями и закономерностями.

Таким образом, к подструктуре 2 относится комплекс взаимосвязанных ценностно-ориентационных и компетентностных качеств индивида. Ценностно-ориентационные качества отображают внутреннюю потребностно-мотивационную, ценностно-мотивационную сферы: социальная направленность индивида; социальные намерения; социальное призвание; социальные интересы; социальные ожидания; социальная работоспособность; социальная удовлетворенность; социальная пригодность.

Данный подход не противоречит ныне существующим подходам в социологии, когда социальное поведение, как и всякие иные проявления социальной активности, начинается с готовности, установки,

намерений, в которых отражены социальные стремления, цели, требования и ожидания индивида. При анализе социальной активности человека указанное обстоятельство проявляется в наличии у личности социальных тенденций. Для понимания природы личности совершенно недостаточно знания того, какую информацию, знания имеет индивид о культуре, традициях, идеологии и социальных отношениях. Необходимо также учитывать, какие ориентации, мотивации, установки, подготовка (компетентность) имеются у него в отношении указанных явлений.

К компетентностным качествам, которые во взаимодействии с ценностно-ориентационными непосредственно влияют на траектории и конфигурацию социальной мобильности индивида, нами отнесены: врожденные и приобретенные способности; социально важные качества; обучаемость (академическая мобильность); культура (культурная мобильность); социальный опыт; компетентность (как интегрированная характеристика); профессионализм (как интегрированная характеристика). Это – субъективные факторы социальной мобильности, проявляющиеся в деятельности индивида.

Тормозящим фактором на пути развития процессов социализации и социальной мобильности является социальная деформация. Не имея необходимого ресурса внутренних ценностно-ориентационных и компетентностных качеств, не развивающихся и не подкрепляющихся извне, или не имея возможности соответствовать требованиям определенной социальной среды, индивид осознанно или вынужденно использует возможность передвижения (мобильности). Следовательно, социальная мобильность как явление и процесс, который в данном случае совпадает с движением людей за пределы той или иной социальной среды, выступает следствием несоответствия (конфликта) степени развития указанного выше комплекса индивидуальных качеств личности с условиями социальной среды, иными словами – несоответствием (конфликтом) социально мобильных качеств индивида конкретной социальной среде. Поэтому более высокого статуса в социальной, политической, экономической, культурной, профессиональной и других сферах жизнедеятельности общества достойны индивиды, обладающие более сформированным комплексом социально важных мобильных качеств, нежели те, кто овладел этими качествами в меньшей мере. Так можно достичь конкуренции индивидов во всех сферах жизнедеятельности общества, государства.

Социализация – это развитие индивида на основе баланса его интересов с интересами общества, социальных институтов, социальных общностей, социальной среды. На формирование личности влияет ряд факторов: как сам человек, социальная среда, так и осознанная им социальная деятельность, направления, содержание и формы социальной деятельности. Однако мы не можем согласиться с мыслью, достаточно распространенной в том числе и среди зарубежных исследователей, что «в итоге все зависит от самого человека». Без благоприятной социальной среды с соответствующими функциями (принципами), способствующими социальному становлению и развитию индивида, реализовать даже лучшие его желания, задатки, приобретенные и оцененные способности, волю, цель жизни, включая социальные, профессиональные, культурные, образовательные и прочие интересы, намерения и ожидания будет затруднительно или невозможно.

Структура социальной мобильности как вероятностная и идеальная модель, отображающая процесс социализации людей как идеальный объект, определяет не только содержание и факторы влияния на качество социального развития, но и ключевые направления процесса социализации людей, в том числе, с использованием социальных лифтов.

В масштабах многих посткоммунистических государств не работают механизмы вертикальной мобильности – социальные лифты, без запуска которых успешное развитие страны невозможно. В самой общей трактовке *социальный лифт – условное наименование совокупности факторов, системы объективных условий, принципов, вырабатываемых общественными институтами и социальными общностями, группами, закрепленных в виде целостной государственной политики, оказывающих определяющее влияние на формирование вертикальной социальной мобильности у индивидов. «*Что такое социальный лифт? Это способ дать подняться и помочь в занятии более приятного положения в обществе. Но чтобы лифт действовал, необходимо иметь движущую силу – заинтересованность сторон» [40.] Можно сделать вывод, что, во-первых, в работе социальных лифтов присутствуют объективные и субъективные факторы. Во-вторых, заинтересованными в мобильности должны быть и государство, общество,

[40] Социальные лифты: кратчайший путь из грязи в князи. URL: http://trendclub.ru/blogs/contest_november/1355.

реализующее свою волю через институты власти, социальные институты, и сам человек, имеющий к тому же развитый комплекс профессионально мобильных качеств.

Важность этих качеств подчеркнул А. Владимиров, указавший, что «чрезвычайно важно то, что такой лифт должен стать своего рода «социальным фильтром», через который могли бы успешно пройти только патриотически настроенные, думающие люди, социально активные, честные, талантливые и трудоспособные»[41]. Можно предположить, что ключевыми функциями подобного «фильтра» являются функции отбора (подбора) и оценивания. Укажем, что А.К. Маркова неспроста профориентацию и профотбор понимает не как функции профессиональной среды или принципы (функции) работы социальных лифтов, а собственно как социальные институты[42]. «Если в обществе существуют социальные лифты (термин русско-американского социолога Питирима Сорокина), то каждый из его членов уверен, что при определенных условиях он может добиться своего; общество становится открытым, социальное самочувствие – позитивным. Человек, живущий в открытом обществе, думает: „Если я захочу, то я смогу…“ Человек, живущий в противоположной реальности, мыслит: „Как ни бейся, там свой мир, наверх попадают только свои – мы никто, нам путь закрыт“», – констатирует Ю. Верлина.

По справедливому мнению Ю. Верлиной, именно отсутствие социальных лифтов приводит к росту социального напряжения, а зачастую и к взрывам, волнам протестов. «Можно предположить, что процент тех, кто, будучи рожден в нижней (по уровню доходов) четверти семей, смог выбраться из бедности, крайне мал. И причина именно в том, что реально действующих социальных лифтов в нашей стране, увы, практически нет».

Отсутствие в обществе конкуренции, уверенности в том, что профессионализм, социально ответственное поведение будут вознаграждены, ведет к социальной апатии населения, озлобленности против богатых и недоверию к властям… В экономической жизни «сломанный» социальный лифт вызывает ломку конкуренции, стагнацию производительности труда, отсутствие инноваций и низкую активность малого и среднего бизнеса, коррупцию. Эта симптоматика

[41] Владимиров А. О программе «Социальный лифт». URL: http://soclift.ru/.
[42] Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. С. 63, 64.

весьма характерна не только для современной России, но и для Украины и других посткоммунистических государств.

М. Бендюков указывает, что без эффективного социального лифта, без четкой системы стимулов, поощряющих позитивное, ответственное поведение и карающих за антисоциальные проявления, невозможно ни выстроить современное общество, ни запустить механизмы экономического роста. Отсутствие работающих социально-экономических механизмов, с помощью которых общество могло бы удовлетворять свои потребности в тех или иных специалистах, очевидно, приведет к его деградации через весьма короткий срок[43]. Работа социального лифта (и его результативность) должна базироваться на понимании его содержательной функциональности, на основе комплекса принципов его функционирования, его основных функций, дающих объекту управления (социальному институту) инструментарий воздействия на субъекта управления – индивида.

Содержательная функциональность, к примеру, социального или профессионального института может стать основой организационного проектирования, когда в основу формирования и развития социального (или профессионального) института положен процесс формирования и развития социальной (профессиональной) мобильности, который, в свою очередь (согласно А. Файолю), реализуется посредством комплекса функций.

Касаясь профиля социально мобильных качеств, М. Бендюков приходит к выводу, что в индустриальной экономике приоритет отдавался индивидуальным характеристикам человека: уму, характеру, знаниям и навыкам. Логична мысль М. Бендюкова о том, что социальные лифты в обществе не могут возникнуть сами по себе. Для их появления необходимы как объективные предпосылки, так и социальная и государственная поддержка мобильности населения и понимание населением правил, принципов социальной мобильности и критериев оценивания. Данное утверждение применимо и к профессиональной мобильности, происходящей в социальных институтах профессионализации, и подтверждается известным российским ученым А.И. Турчиновым, указывающим на социальную обусловленность природы кадровой политики, о необходимости изучения явления профессионализации как социального феномена, об институционализации профессиональной деятельности и ее социальном

[43] Бендюков М. Царь без горы. Почему в России не работает социальный лифт. URL: http://www.americaru.com/blog/post/6190.

обособлении[44]. Итак, создание эффективной системы социальных лифтов, рассчитанной на формирование и использование мобильного человеческого капитала, можно рассматривать как важную отрасль государственного управления, например, кадровой политики, позволяющей управлять в первую очередь профессиональными возможностями человека.

Таким образом, структура социальной мобильности наглядно демонстрирует многомерность, многокомпонентность и сложноструктурированность процесса социализации. Одни факторы (элементы структуры социальной мобильности) могут непосредственно влиять на индивида, иные – влиять опосредованно. Заметим, что структурированность процесса социализации индивида теоретически не выделяется особенной усложненностью. Чего нельзя сказать о сложности взаимоотношений элементов подструктуры 1 и 2 на уровне индивида и их взаимного влияния на противоположные по своей сути разносторонние процессы его социального развития (когда подструктуры находятся в состоянии гармонии, взаимодействуют системно, синергетически), либо социальной деформации (когда подструктуры системно не взаимодействуют). С точки зрения предложенной структуры социальная деформация является следствием конфликта (отсутствия баланса, согласованности, гармонии) требований и возможностей социальной среды, конкретного социального института с требованиями и возможностями, а следовательно, комплексом качеств социально мобильного индивида.

Понятия «социальная мобильность» и «социальный лифт» не синонимы. Социальная мобильность – явление, качество и ресурс индивида, результат социальной деятельности индивида, критерий оценивания его социальной деятельности, активности как «вверх», так и «вниз», в горизонтальном и вертикальном направлении. Социальная мобильность проявляется во взаимодействии ее объективных и субъективных факторов. Социальный же лифт – явление, индивидуальная конфигурация вертикальной мобильности, индивидуального репертуара социальной мобильности индивида, складывающаяся в самом процессе его взаимодействия с социальными институтами и социальными общностями, группами, функционирование которых, в свою очередь, осуществляется в рамках процесса формирования и развития социальной мобильности индивида в направлении только

[44] Турчинов А.И. Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. М.: МПСИ; Флинта, 1998. С. 7, 8, 18, 24, 64.

«вверх». Социальный лифт – условное наименование совокупности факторов, системы объективных условий, принципов, вырабатываемых общественными институтами и социальными общностями, группами, закрепленных в виде целостной государственной политики, оказывающих определяющее влияние на формирование вертикальной социальной мобильности у индивидов. Иными словами, социальный лифт – собственно «большой механизм социальной мобильности», поощряющий конкуренцию индивидов и обеспечивающий мобильному индивиду направление «вверх». Иные задачи этого механизма – отбор лучших; «фильтр», «барьер», защита общества от непрофессионалов; управление возможностями человека: в обществе – социальными возможностями, в профессиональной деятельности – профессиональными и т. д.

В таком случае социальные институты, некоторые социальные организации и общности могут считаться «отдельными механизмами» социальных лифтов. (Например, М. Бендюков одним из «механизмов социального лифт» логично указывает образование). Социальные лифты соединяют, условно говоря, «точки роста» индивида в тех или иных сферах его активности, в тех или иных социальных институтах и социальных общностях, группах в единый механизм, работающий в рамках процесса формирования и развития социальной мобильности индивида с основной задачей: «наверх» социальной иерархии должны попадать только лучшие.

Согласно предложенной структуре социальной мобильности индивида, обязательными функциями (принципами) социального лифта являются социальные ориентация, отбор (подоценивание) и воспитание. Указанные функции необходимы для формирования и поддержки социальной активности индивидов в обществе. Указанные функции (принципы) аналогичны для развития профессиональной, культурной, социокультурной, академической мобильности индивида. Аналогичным является и общий комплекс ценностно-ориентационных и компетентностных качеств индивида для формирования мобильности в аналогичных сферах деятельности (профессиональной, культурной, социокультурной, академической).

Комплекс функций социальной среды позволяет не только на теоретическом, но и на практическом уровне ставить и решать проблему управления социальной мобильностью индивидов в обществе. Сама же структура социальной мобильности, выразим надежду, может внести вклад в формирование теоретической модели профессио-

нализации как социального явления, в обеспечение перехода от стихийных к упорядоченным формам передачи социального и профессионального опыта от поколения к поколению – задач, поставленных полтора десятка лет тому назад известным российским ученым А.И. Турчиновым. На вопрос, какие качества характерны для социально мобильного индивида, ответ дает предложенный в статье комплекс субъективных факторов социальной мобильности. На наш взгляд, оценивание предложенного комплекса мобильных качеств будет способствовать решению актуальной проблемы защиты современного общества от непрофессионализма.

3. ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Образование является одной из тех научных категорий, которые наиболее часто используются в дискурсе социально-гуманитарных наук. Как правило, социальная философия анализирует образование в двух аспектах: во-первых, как индивидуализированный процесс формирования личности в условиях определенного общества, как процесс приобщения человека к социально значимому опыту, а во-вторых, как особый социальный институт, выполняющий определенные функции в обществе. Демонстрация влияния образования на осуществление социальной мобильности человека наиболее ярко проявляется в функционировании его институциализированной формы. Образование рассматривается как социальный институт, включающий совокупность статусов и ролей, социальных норм, социальных организаций (учреждений, предприятий, университетов, академий, институтов, фирм и т.д.), которые опираются на персонал, аппарат управления и особые процедуры. Также оно является одним из самых распространенных факторов социальной мобильности человека.

Как любой другой социальный институт, образование выполняет определенные социальные функции. А.Ж. Кусжанова выделяет две сущностные функции образования[45]. Первая функция – *наследственная, или социально-воспроизводящая* – проявляется в том, что образование воспроизводит «социальный тип», т.е. воссоздает и обеспечи-

[45] Кусжанова А.Ж. Проблема выявления социальной сущности образования и ее практическое значение. URL: http://credonew.ru/content/view/34/22/

вает сохранение конкретного общества как социального целого в его качественном своеобразии и конкретно-социальной самобытности. Образование наделяет новое поколение навыками социально-организованной жизни, транслирует социальные признаки конкретного общества новым носителям, воссоздает социальную структуру и систему факторов социальной мобильности каждого конкретного общества, также обеспечивает погружение человека в социальную реальность. Вторая функция – *развивающая, или адаптивно-изменчивая* – проявляется в формировании у социального субъекта способности к развитию и инновациям. Данная функция апеллирует к социальному субъекту, его потенциалу, который включается как в моменты существенных перестроек всей общественной системы, так и в сложные периоды жизни отдельного человека. Так, в первом случае человеческий потенциал выступает движущей силой развития общества, а во втором случае позволяет человеку справляться с трудной жизненной ситуацией. Таким образом, двоякая и, в сущности, противоречивая задача образования состоит в том, чтобы подготовить общество и человека к воспроизводству существующей социальной реальности (сохранение) и ее обновлению (развитие). Образование, играя роль «социального лифта», служит воспроизводству социальной реальности посредством восполнения существующих социальных групп, а также способствует формированию новых социальных типов в соответствии с вызовами объективной реальности. В рамках обозначенных сущностных функций образования выделяются конкретные функции, служащие реализации его возможностей в качестве фактора социальной мобильности. Данные функции образования есть не что иное, как сведение (редукция) к его сущностным функциям.

Социально-селекционирующая функция образования связана с отбором индивидов по каким-либо показателям для включения в различные социальные группы. В основе трекинга как процесса разведения индивидов по образовательным потокам лежит характер и уровень интеллектуальных способностей, которые проявляются у человека в образовательном процессе[46]. Тестирующую и распределительную роль образования в обществе впервые отметил П.А. Сорокин, справедливо полагая, что система образования подготавливает почву

[46] Осипов А.М. Механизмы социального расслоения в образовании // Образование и общество. 2006. № 2. С. 59-64.

для различного социального старта молодежи[47]. Сертифицирующая функция образования проявляется в подтверждении соответствия уровня образованности или профессионализма человека различным требованиям, положениям, нормам посредством выдачи документов, подтверждающих уровень полученных знаний, – дипломов, сертификатов и т.д., обладание которыми является условием занятия соответствующих мест в системах разделения труда и социальной стратификации, действующих в обществе. Д. Белл писал, что меритократическое постиндустриальное общество является «сертифицирующим обществом», где засвидетельствование результатов – посредством ученой степени, квалификационного экзамена или лицензии – становится условием получения более престижной работы[48]. На основе социальной селекции, тестирования, сертификации и распределения реализуется социально-дифференцирующая функция образования. Она проявляется в том, что образование выступает одним из условий разделения индивидов в обществе, при этом являясь мощным фактором сохранения существующей в обществе системы социального неравенства. Реализуемые образованием конкретные социальные функции сводятся к социально-статусной, обеспечивающей социальную мобильность человека. Ее сущность заключается во влиянии образования на изменение социального положения человека, служит закреплению, а также способствует повышению или понижению его социального статуса, карьерному и профессиональному росту.

Реализация функций образования в условиях современного общества имеет ряд особенностей. Во-первых, важнейшим фактором социальной мобильности человека в условиях современного общества (общества, основанного на знаниях, информационного общества) исследователи называют образование. В таком обществе знания и информация становятся главными ресурсами как экономики, так и политики, лежащими в основе богатства и власти. Как никогда актуальным становится всем известное высказывание Ф. Бэкона: «Знание – это сила». Такие вызовы существующей системе образования требуют коренного пересмотра ее роли и значения в современном обществе.

Во-вторых, переход к новому типу общества вызвал тенденцию, проявившуюся в том, что в ущерб социально-воспроизводящей

---

[47] Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Человек, цивилизация, общество / под ред. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. С. 297-424.

[48] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. С. 555-556.

функции образование стало усиленно осуществлять развивающую функцию. Отрыв функции воспроизводства общества от функции развития человека способен ослабить значение образования в качестве механизма сохранения и воспроизводства социальности и привести к последствиям, имеющим негативный характер. К тому же рассмотрение роли образования в обществе с утилитарно-прагматистской точки зрения, внедрение соответствующих методов и содержания образования не могло не отразиться на процессе и результате образования. Кризис современного образования, одним из проявлений которого является направленность на передачу системы знаний, а не на развитие духовности человека, и, как следствие, создание у человека ориентации на инструментальные ценности ведут к деформации формируемой личности.

В России кризис в системе образования проявляется еще в большей степени, это связано с кризисом всей российской общественной системы в целом[49]. В современном российском обществе существует своя специфика реализации образования как социального лифта. Она определяется перераспределением образовательных ресурсов, которые ранее обеспечивали воспроизводство стабильной социальной системы, на резкое и глобальное изменение глубинных основ образовательной сферы. При этом важно отметить учет характера, содержания и направления образования: если речь идет об образовании «по старинке», то в этой ситуации образование скорее будет играть роль фактора нисходящей мобильности; если же образование ориентировано на будущее, то оно способно повлиять на повышение социального статуса человека. Получается, реформистский этап современной российской системы образования создает условия для успешной социальной мобильности тех людей, которые технически подкованы, склонны к непрерывному самообразованию, повышают уровень и качество своих знаний в актуальной на сегодняшний день области знаний. Политика в сфере образования и науки пытается сгладить негативные проявления реформистского этапа, ведь за пределами зоны социального успеха остались люди, чье образование воссоздает законсервированную социальную реальность, которой уже не существует. Поэтому реализация образования как фактора соци-

[49] Маслянка Ю.В. Проблемы и перспективы отечественного института образования личности в контексте глобальных смысловых трансформаций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. Ч. 2. С. 115-120.

альной мобильности в условиях современного российского общества достаточно затруднена. Реальная ситуация в сфере образования показывает, что до обретения баланса сущностных функций образования еще далеко. Но если учесть, что современное общество развивается невиданными ранее темпами, выходит, что воссоздание постоянно изменяющейся социальной реальности и есть этот баланс, а кризис в образовании – не что иное, как ситуация выбора направления дальнейшего развития, а вовсе не тупик.

В-третьих, описанное Д. Беллом будущее меритократическое общество представляется идеализированным, в нем одновременно сосуществует множество факторов социальной мобильности. У. Бек пишет о двоякой роли образования, которое, с одной стороны, предоставляет большие возможности человеку для изменения своего социального положения в лучшую сторону, но, с другой стороны, его возможности как фактора социальной мобильности ограничены вновь возрождающимися в современном обществе сословными факторами в распределении социальных шансов[50].

Таким образом, образование, будучи важнейшей сферой общественного бытия, в рамках которой организован процесс передачи социально значимого опыта новым поколениям, выполняет функции воспроизводства и изменения социальной реальности. Реализуясь в качестве фактора социальной мобильности, образование обуславливает социальную селекцию, тестирование, распределение и сертификацию индивидов, благодаря которым воссоздаются социальные группы. Успешность образования в качестве фактора социальной мобильности находится в зависимости от его функциональной направленности, в частности, воспроизводство или же изменение социальной реальности является главной задачей образования. Баланс сущностных функций современного образования возможен путем воссоздания постоянно изменяющейся социальной реальности.

Профессиональная мобильность как условие успешной социализации молодежи. Динамизм современных общественных преобразований вызывает к жизни потребность в специалистах, умеющих анализировать постоянно меняющиеся социально-экономические тенденции, принимать и реализовывать нестандартные решения в ситуации рыночной конкуренции, устранять стереотипизацию из про-

[50] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс, 2000.

изводственной и личностной сфер деятельности[51]. Именно поэтому подготовка специалистов, способных к профессиональной и социальной мобильности, – одна из важнейших проблем современного профессионального образования России.

Понятие «мобильность» стало объектом специального научного исследования сравнительно недавно, лишь во второй половине XX в., хотя было введено в научный оборот почти на сто лет раньше. Родоначальником теории социальной мобильности считают П.А. Сорокина, который ввел понятие «социальная мобильность», подразумевающее социальные перемещения не только индивидов, групп, но и социальных объектов (ценностей), т. е. всего того, что создано или модифицировано в процессе человеческой деятельности. Для того чтобы объяснить перемещения в параметрах социального пространства, автор пользовался терминами «горизонтальная социальная мобильность» и «вертикальная социальная мобильность». Первую П.А. Сорокин связывал с изменением социального статуса человека, с карьерным ростом специалиста, а вторую рассматривал как происходящую на одном статусном уровне. Горизонтальная социальная мобильность предполагает переход индивида из одной социальной группы в другую, расположенную на том же уровне общественной стратификации[52]. Сегодня появился третий тип мобильности, которую Л.В. Горюнова называет глобальной мобильностью[53]. Она связана с миграцией студентов в масштабах единого европейского образовательного пространства.

Социальная мобильность в современных лексикографических источниках (словарях и энциклопедиях) чаще всего трактуется в изначальном смысле как изменение индивидом или группой места, занимаемого в социальной структуре, перемещение из одного социального слоя (класса, группы) в другой (вертикальная мобильность) или в пределах одного и того же социального слоя (горизонтальная мо-

---

[51] Дворецкая Ю.Ю. Проблемы обретения профессиональной компетентности в молодости / Ю.Ю. Дворецкая, С.Д. Некрасов // Личность и бытие: субъективный подход. Становление и реализация субъектности личности в профессии: материалы 12-й Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 193-196.

[52] Сорокин П.А. Социальная мобильность / пер. с англ. М.В. Соколовой. Москва: Academia: LVS, 2005.

[53] Горюнова Л.В. Профессиональная мобильность специалиста как проблема развивающегося образования России: диссертация … доктора педагогических наук / Л. В. Горюнова. Ростов-на-Дону, 2006.

бильность)[54]. Очевидно, что сегодня социальная мобильность уже не связывается напрямую с социальным положением и социальным статусом, а характеризует способ социального функционирования человека. Поэтому социальная мобильность определяется как «…свойство социальных субъектов, выраженное в их способности быстро и адекватно модифицировать свою деятельность при возникновении новых обстоятельств, легко и быстро осваивать новые реалии в различных сферах жизнедеятельности, находить адекватные способы разрешения неожиданных проблем и выполнения нестандартных задач»[55].

В общем контексте социальной мобильности начиная с 30-х гг. XX в. исследовалась профессиональная мобильность. В связи с кардинальными изменениями социально-экономического и идеологического характера в стране смысловое наполнение понятия «профессиональная мобильность» существенно менялось. Достаточно частое обращение ученых к данной проблеме начинается с 1960-х гг. Профессиональная мобильность исследуется многими науками: социологией, психологией, педагогикой, экономикой.

Во второй половине 90-х гг. XX в. стали появляться работы ученых-педагогов, посвященные рассмотрению и изучению проблем мобильности в различных педагогических аспектах. Если с позиции социально-экономических наук, исследующих процессы мобильности, изучаются прежде всего характер протекания этих процессов на групповом и индивидуальном уровнях, условия и факторы, влияющие на них, возможности и способы их государственного регулирования, то с позиции педагогики в центре внимания оказываются проблемы формирования индивидуальной мобильности человека, а с этой точки зрения значимой становится сущностная характеристика мобильности как личностного качества. Только на этой основе можно направить образовательный процесс во всей совокупности его составляющих на формирование данного качества личности обучающегося.

В «Новейшем социологическом словаре» категория «профессиональная мобильность» раскрывается с двух сторон[56]. Во-первых, профессиональная мобильность есть процесс перемещения индивидов в социально-профессиональной структуре общества, связанный с

---

[54] Игошев Б.М. Организационно-педагогическая система подготовки профессионально мобильных специалистов в педагогическом университете / Б. М. Игошев. Москва: ВЛАДОС, 2008.

[55] Указ. соч. С. 4.

[56] Новейший социологический словарь / сост. А. А. Грицанов [и др.]. Москва: Книжный дом, 2010. С. 813.

изменениями их профессионального статуса и сменой рода занятий в рамках одного квалификационного ранга благодаря прохождению определенной ступени образования. Этому определению профессиональной мобильности близка трактовка, которую дает в своем исследовании Б.М. Игошев. Автор под профессиональной мобильностью понимает «…изменение трудовой позиции, или ранга, работника, обусловленное переменой места работы или профессии»[57]. Во-вторых, профессиональная мобильность – это личностное качество, приобретенное в процессе обучения и выражающееся в способности легко и быстро осваивать новые реалии. Близкую позицию занимает Л.В. Горюнова, которая определяет профессиональную мобильность как качество личности, обеспечивающее внутренний механизм развития человека через сформированность ключевых, общепрофессиональных компетентностей, как деятельность человека, детерминированную меняющими среду событиями, результатом которой выступает самореализация личности в профессии и жизни, и как процесс преобразования человеком самого себя и окружающей его профессиональной и жизненной среды[58].

Профессиональная мобильность, по мнению Л.В. Горюновой, есть «…свойство человеческой сущности, внутренний механизм формирования себя в профессии и жизни и процесс проявления человеком своей сущности в меняющемся мире и преобразования окружающей его профессиональной и жизненной среды»[59]. В своем исследовании Л.В. Горюнова выделяет составляющие профессиональной мобильности: профессиональные компетентности (ключевые и общепрофессиональные), готовность специалиста к переменам и активность личности.

Л.А. Амирова считает, что профессиональная мобильность человека – это не только способность менять профессию или род деятельности, но и способность к успешной самореализации в общественной (бытовой, семейной, конфессиональной и т. п.) среде. Мобильность –

---

[57] Игошев Б.М. Организационно-педагогическая система подготовки профессионально мобильных специалистов в педагогическом университете / Б. М. Игошев. Москва: ВЛАДОС, 2008. С. 78.

[58] Горюнова Л.В. Профессиональная мобильность специалиста как проблема развивающегося образования России: диссертация … доктора педагогических наук / Л. В. Горюнова. Ростов-на-Дону, 2006. С. 186.

[59] Указ.соч. С. 215.

это способ реагирования личности на ситуацию (жизненную, профессиональную) в изменяющихся условиях жизнедеятельности[60].

Таким образом, профессиональная мобильность определяется не только способностью специалиста менять свою профессию, место и род деятельности, но и умением принимать самостоятельные и нестандартные решения, направленные на повышение уровня своего профессионализма, а также способностью быстро осваивать новую образовательную и социальную среду. Эффективно действующий специалист должен обладать рядом качеств, которые выступают на первый план (креативность мышления, быстрота принятия решений, способность к обучаемости, самообучаемости, умение приспосабливаться к новым обстоятельствам, устойчивость к фрустрирующим факторам внешней и внутренней среды организации, умение отслеживать и правильно оценивать состояние окружающего пространства). Высокая степень адаптивности при деятельности в турбулентной среде характеризует мобильного специалиста, т. е. специалиста, способного решать разнообразные задачи без психологического ущерба для себя. Очевидно, что наличие определенных личностных качеств и способностей становится не только условием, но и фактором профессиональной мобильности. Личностные качества и способности, позволяющие человеку умело переходить от одного уровня профессиональной деятельности к другому, не являются биологически, генетически обусловленными, поэтому становится возможным их целенаправленное формирование, в том числе образовательными средствами[61].

Профессиональную школу, прежде всего высшую, называют ключевым звеном, с помощью которого возможно инициировать позитивные процессы во всей системе образования. Однако исследования показывают, что профессиональное образование не отвечает потребностям рынка труда, темпы его развития отстают от темпов социально-экономического развития страны. У большинства выпускников высших учебных заведений отсутствуют практические навыки и необходимые компетенции. В числе предпосылок повышения качества профессионального образования – перенос акцентов с репродук-

---

[60] Амирова Л.А. Профессионально-педагогическая мобильность учителя как целевая установка высшего педагогического образования / Л. А. Амирова, З. Багишаев // Alma mater. 2004. № 1. С. 55-60; Амирова Л.А. Развитие профессиональной мобильности педагога в пространстве его личностной самореализации / Л. А. Амирова. Уфа: Восточ. ун-т, 2006.

[61] Социально-профессиональная мобильность в XXI веке. Сборник материалов и докладов Международной конференции / Под редакцией Г. М. Романцева, В. А. Копнова. Екатеринбург, 2014.

тивного усвоения знаний на их творческое применение в условиях, максимально приближенных к профессиональной деятельности.

Рынок труда предъявляет высокие требования не только к уровню теоретических знаний потенциального работника. Его должны отличать повышенное чувство ответственности, глубокая профессиональная компетентность, развитая коммуникабельность. Именно эти характеристики определяют специалиста, способного к профессиональной мобильности. Современные специалисты, в том числе в сфере образования, должны быть деятельностно и социально защищены качеством образования. Система педагогического образования должна подготовить будущего педагога, способного к профессиональной мобильности как внутри выбранной профессии, так и вне ее, через создание определенных условий.

4. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ

Понимание миграции обращено к широкому классу социальных явлений и характеризуется многофакторностью процессов ее развития во времени и пространстве современного социума. При всех различиях объяснения понятия «человек мигрирующий» его социально-жизненное содержание редуцируется экономическими соображениями, рассматривается по отношению к институционально-экономическому устройству общества. Вместе с тем миграционные процессы имеют историческую протяженность, заключают периодизацию миграционного опыта, воплощают кристаллизацию универсальных общественных связей. В этом случае выявляется роль социально-философского анализа в объяснении качественного своеобразия миграции в ее генезисе и многомерности существования, в особом зрении социальной логики, перспективных моделей перемещений граждан, в т. ч. применительно к внутриполитической обстановке. Миграция населения (от лат. *migratio* – переселение) этимологически означает смену места жительства, перемещение, но допускает и более широкое толкование. Речь идет о протяженных, рекомбинирующихся, сменяющих друг друга видах деятельности, в т. ч. о «своевременности» постановки общественно-политических проблем, «связывании» пространственно-предметных структур обновления жизни. В философском смысле можно говорить о сопряжении социально-

метафизического и социально-онтологического планов: в первом случае миграционный процесс открывается со стороны измерения социально-человеческих сил, инструментальности взаимных контактов; во втором – выявляются сущностные характеристики мира мигранта, единство уникальных и действенных моделей перемещений.

В феноменологическом смысле «человек мигрирующий» осуществляет «предприятие», но не как приложение продуктивных усилий и трудовых навыков, а как «задуманные» действия и шаги в неопределенности результатов самого процесса. По мнению И.Т. Касавина, исторически следует принять образ призрачности, нереальности, текучести миграционного опыта. Только первоначальность регионализации местности снимает абстракции подобных перемещений (путешествий, поисков пути, дорог и т.д.). Последующая пульсирующая структурность мира порождает усиление миграционного процесса в переходе к гетерогенной автономии, что порождает далеко идущие следствия. Так, начинается поиск человеком новых территорий и «самого себя» уже в обладании набором интеллектуальных и физических качеств выживания.

В результате, подчеркивает И.Т. Касавин, получает развитие «транзитная онтология», и в принципиальном смысле универсальный опыт миграции исключает привязанность к конкретике территорий. Подобное практикующее существование связывает между собой территориальные магистрали и миры общечеловеческой культуры (в перемещениях «Великого Бездомного» через социокультурные проселки по новым магистралям). При этом жизнь на определенной местности представляет не постоянную смену деятельности, а культивирование ее отдельных типов и создание условий их воспроизводства. Сообразно этому устанавливается политико-властная обстановка, появляется законодательство, мораль, общественная психология и идеология. В житейском плане появляется Дом, который сообщает жизни порядок (симметрию), и не случайно мышление местных жителей ориентировано на примирение противоположностей, приобщение к социально-значимым духовным и практическим стереотипам[62].

Исторически увеличение трудовых ресурсов на основе миграции означало возрастание продуктивной силы, но это должно сочетаться с внутренней интеграцией жизни общества, когда позиции переселенцев взаимно сочетаются с жизненными установками других членов

[62] Касавин И.Т. Человек мигрирующий: онтология пути и местности // Вопросы философии, 1997, № 7. С. 79, 81.

общества. Как подчеркивает В.Е. Кемеров, необходимо «встраивание» людей в объемы деятельности своими качествами и умениями, но не физическими и элементарными двигательными навыками. В социально-исторических системах создавалась «армия мигрантов» для использования на вспомогательных работах при возведении сооружений, которая являлась частью «социальной машины». Ее применение было продиктовано экономическими причинами. Например, вели- кие стройки прошлого (как и современности) создавали атмосферу постоянного напряжения в обществе, были призваны поддерживать строгие порядки, что являлось формой воспроизводства государства, подкрепления его власти и влияния. Общество как «социальная машина, – подчеркивает В.Е. Кемеров, – поддерживало нормальный режим работы другой машины – “машины власти”»[63].

Это значит, что конкретные системы миграционных сил должны быть включены во внутреннюю организацию общества, не только присутствовать в работе производственно-технических подсистем, но и поддерживать социальные и, в конечном счете, властные структуры. Сегодня миграционные потоки должны стать особыми формами объединения людей, когда совершается переход комбинаций их действий и поведения в композицию сов местной деятельности.

Исторический опыт Америки, хотя и замыкается в строгом смысле на иммиграцию как «вселение» различных этнических групп в конкретно-социальную, поселенческую среду на постоянное жительство, заключает много поучительного. Прежде всего, это феномен «революции в видах и стилях работы» как конкретных способов действий и навыков. При вступлении на американский рынок труда определенная группа могла обнаружить, что подвергается дискриминации. В попытках перейти на новые, более высокие уровни представители такой группы могли вновь встретиться с дискриминацией. Но достигнув общепринятого уровня работы, они сами становятся «дискриминаторами» по отношению к вновь прибывающим, причем дискриминаторами амбивалентными – наряду с прошлым опытом проповедующими социальную доктрину «равных возможностей» и в значительной степени практикующими ее[64]. Форма внутримиграционного неравенства предстает крайне эффективной для социально-политической интеграции групп мигрантов в общественную систему.

---

[63] Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. М., 2001. С. 177.
[64] Хьюз Э. Работа и досуг // Американская социология. М.: Прогресс, 1972. С. 74.

На этапах индустриальной урбанизации, когда смертность более или менее нейтрализует прирост населения крупных городов за счет рождаемости (причем других городов, из которых первые могли бы черпать свои людские ресурсы, слишком мало), их население увеличивается за счет миграции из сельской местности. В значительной степени миграционные потоки состоят из сельских жителей, направляющихся в город к своим родственникам, поселившимся там раньше. Преобладание миграции такого типа способствует возникновению в городе «племенных региональных» и «национальных» анклавов. Как следствие, имеет место макромиграционный феномен: в середине XX в. Чикаго гордился тем, что был одним из самых крупных «польских» и «немецких» городов[65].

Хотя эти процессы имеют универсальный характер, существует историко-антропологическая сторона, объясняющая ряд его трудностей. Известная антитеза «онтологии города» и «онтологии всадника (переселенца)» обнаруживает резкий конфликт с городской цивилизацией: «новоявленные» группы людей (пришельцы) не уживались, а уничтожали город как культурное образование неумением жить в нем, приспосабливаться к его формам и нормам. Жизнь на конкретной территории культивирует знания и умения применительно к сегментам местности, вовлеченным в социально-практическую деятельность, что противоположно «энциклопедизму вечных странников и путешественников»[66].

В разрезе политической антропологии можно сделать предположение о том, что «человек мигрирующий» ищет не дом, а пристанище. В свою очередь, житель находится в своем доме, но, точнее, проживает в городе. Согласно мнению Х. Ортеги-и- Гассета, «город – это сверхдом, это преодоление дома, людского логова, создание новой структуры, более абстрактной и сложной, чем семейное oikos».

Х. Ортега-и-Гассет убежден, что понятие «город-государство» исторически позволяет уловить специфику государственного начала. Собственно, государственной власти предшествует «строительство государства, и вот оно-то и есть источник и залог движения». И, наконец, радикальный вывод: «Государство – преодоление всякой природной общности. Это метис и полиглот»[67].

---

[65] Тили Ч. Формы урбанизации // Американская социология. М.: Прогресс, 1972. С. 130-131.
[66] Касавин И.Т. Указ. соч.. С. 75, 79.
[67] Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь Мир, 2000. С. 136, 137.

Ход мыслей испанского философа не подтверждается исходом миграционных процессов в ряде современных государств. Так, в октябре 2010 г. канцлер ФРГ А. Меркель сделала громкое и сенсационное заявление (в подтверждение ранних выводов политиков) о том, что политика «мультикультурализма», т. е. стремление обеспечить принцип: «жить рядом и ценить друг друга», в отношении коренных жителей и мигрантов потерпела крах. Процесс ассимиляции последних угрожает самоликвидацией традиционной общественной системы, которая не нуждается в притоке населения из других стран. Сегодняшние общественные настроения соответствуют правопопулистским воззрениям политиков.

В повседневном зрении различие повседневной («заученной») моральности и реального поведения проявляется в непонимании поведенческой максимы: все приличное – естественно, но не все естественное – прилично (как, например, освобождение от ряда одежд в помещениях, станциях ожидания и т. п.). Отсюда – призывы к введению «кодекса поведения» гостей в российских городах, а на более высоком уровне – требование возведения «Великой антимиграционной стены»[68].

Помимо соображений экономического порядка, подобный тезис заключает скрытое апологетическое отношение к «своим», «своему» и неприятие «чужого». В свое время В.Г. Белинский говорил о недопустимости путать патриотизм, интересы отечества с «китаизмом», который «любит свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то только, что оно чужое…».

Развитие миграционных процессов означает, что многие этносы «оживают». Но видовая миграция связана с развитием экономико-трудовых потенциалов, т. е. не со стремлением к самореализации, а с поисками элементарной работы, когда преобладают «нищие граждане» с достаточно низкими экономическими и духовными запросами. Как отмечает О.Ф. Шабров, это не переселенцы, которых раньше называли «солью нации» как подвижных, предприимчивых людей, способных поднять экономику: приезжают те, кто у себя на родине не смог найти повседневного применения. Соответственно, они не несут заряда культуры, даже собственной, который позволил бы оценить и построить правильное, уважительное отношение к ценностной системе людей, которые на данной территории прожива-

[68] БГ–Знание.Ру // http//bg-znanie.ru/print. php?nid=347947

ют[69]. В строгом этическом смысле кодексы (моральные кодификации) представляют собой упорядоченный свод правил деятельности и поведения в качестве конкретного регулятивного механизма убеждения в их правильности и необходимости. Всеобщий характер кодификаций сочетается с их ситуативным содержанием в форме условных «заверений», призванных поддержать и укреплять моральный престиж и статус групп и слоев в обществе, а главное, внушить к ним доверие, обеспечить благоприятные нравственно-этические предпосылки собственного развития. Но это не означает, что у мигрантов должна быть собственная мораль.

Т. Шибутани следующим образом характеризует социальную психологию человека-мигранта (в т. ч. в статусе маргинальной личности как «феномена окраины жизни»): серьезные сомнения в своей личной ценности, неопределенность связей с новым окружением, постоянный страх быть отвергнутым, как следствие, – болезненная застенчивость в присутствии других, излишнее беспокойство о будущем и боязнь любой неожиданной ситуации, неспособность утвердиться во мнении, что внешний мир справедливо к нему относится[70]. Это диктует необходимость избегать неоправданно причиненных огорчений, исключать вызванные оскорбительными действиями чувства, причинения ущерба в намеренных случаях принижения достоинства, и соответственно, стремиться к поиску путей гуманистической основы жизни, к прояснению общепредпосылочных оснований деятельности («саморассудительной рациональности»).

Но социальная интереакция не заявляет себя просто «по истечении времени», оптимальное пространство жизненно-практических сил не сохраняется автоматически. В границах текущей социальности его следует воспроизводить, удерживать «ускользающую социальность» взаимодействия[71]. В этом случае возможны, во-первых, социально-миграционная диагностика как выявление сущностной характеристики явлений и процессов для последующего их «распознавания» в методах измерения характеристик; во-вторых, социальная адаптация как процесс приспособления, «освоения личностью мигранта или группой новых условий социальной среды; в-третьих, на

[69] Шабров О.Ф. Выступление // Материалы международной конференции «Оптимизация межнациональных отношений как фактор местного самоуправления». Омск, 2008. С. 18.
[70] Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д, 1998. С. 491.
[71] Кемеров В.Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии, 1999, № 7. С. 12.

данной основе появляются оптимальные формы общественных отношений (в установленных образцах, постоянстве структурных образований, процессов и явлений социума). Настоятельный призыв-пожелание сохранить тенденции нормального хода жизни при «насыщении» ее мигрантами требует политической вдумчивости. Говоря о природе социального порядка, **Н. Луман** подчеркивает особую природу нормативных факторов, кодификационных зависимостей или регламентаций. Но ни развитие как таковое, ни просвещение не следует считать «замещением плохого хорошим». Если распространить эти заключения на вхождение мигрантов в новую среду, речь идет именно о жизненном мире неактуализированных возможностей. В этом случае эффективность социального порядка возможна не на основе прямых целеуказаний, а в виде умножения формулируемых и не формулируемых, проблематизированных и не проблематизированных смысловых предпосылок социального общения[72]. Здесь нельзя ограничиваться применением различных техник, в т. ч. исключительно этическо-регламентационного порядка.

Если маргинал – «социальный атом» как обособившийся индивид вследствие распада социального взаимодействия, то мигрант – «социальный дискрет» как особая личностная процессность, в которой обрывается социальная связь. Но акцент на факторе социализации оставляет без внимания потребность человека выходить за пределы самого себя, окружающего мира, когда необходимо не только «встраиваться», но и создавать свои новые миры. Этому соответствует видовое качественное разнообразие современного миграционного процесса[73]. Иначе произойдет возвращение к практике лимитирования, ограничения социальной формы и самораскрытия жизненных сил (достаточно вспомнить советских трудовых мигрантов на стройках столицы – «лимитчиков»).

---

[72] Луман Н. Власть. М., 2001. С. 111; Горячев Ю.А., Захаров В.Ф. и др. Интеграция мигрантов средствами образования: опыт Москвы. М., 2008.

[73] Метелев С.Е. Международная миграция и социально-экономическое развитие России. – М., 2007. С. 309-311, 319.

5. МИГРАЦИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ

Выход экономических связей за пределы национальных экономик произошел далеко не вчера и даже не в прошлом столетии, а длительность этого процесса определила глубину и характер разделения труда. Выйдя на международный уровень в качестве дифференциатора не видов промышленного производства, а разделителя социальных функций по организации и управлению совокупным общественным производством в интернациональном масштабе, международное разделение труда породило глобальную социальную структуру. *Масштаб, характер* и *специфика* такой структуры определяются соответственно *масштабом, характером* и *спецификой* международного разделения труда.

Масштаб международной социальной структуры определяется вовлеченностью национальных экономик в международную систему экономических связей. Чтобы в современных условиях считать социальную структуру некой нации, не входящей в глобальную социальную систему, такая страна должна жить либо натуральным хозяйством, либо не иметь торговых и финансовых связей с другими странами.

Характер международной социальной структуры определяется характером отношений между всеми людьми, вовлеченными в процесс производства и потребления. Если разделение общественных функций по поводу производства и потребления материальных и духовных благ в условиях современной глобализации имеет классовый характер, соответственно и международная социальная структура является *классовой*. Напоминаем, что классовый характер общественных отношений есть такая система воспроизводства социальных связей, при которой одни социальные группы (именуемые социальными классами) посредством владения средствами общественного производства материальных и духовных благ присваивают себе рабочую силу представителей других социальных слоев, не обладающих средствами общественного производства.

Специфика современной организации глобального общественного производства состоит в сложности структур управления и взаимодействия предприятий, их географической разбросанности, требующих вовлечения наемного труда совершенно разных управленческих и организационных профессий. То же касается и непосредственных ис-

полнителей в разных сферах производства, именуемых иногда «голубыми воротничками». Многообразие профессий и трудовых функций определяет *разнородность социальных групп*, условно выделяемых по *видам деятельности* и *формам труда*, от чего во многом зависит доход их представителей[74].

Выше уже было сказано, что денежный доход в условиях капитализма определяет социальное положение людей: их возможности по созданию комфортных условий жизни, доступ к медицине, образованию, отдыху и т. п. В связи с этим современная социология оперирует понятием «социальная страта», условно *разделяя людей по уровню дохода*. При этом *происхождение дохода не учитывается*: это может быть наемный работник или рантье, частный предприниматель или игрок на бирже. Уровень страты может не соответствовать классовому положению, так, обладатель второй квартиры может позволить себе не работать, то есть является мелким рантье, но доход его будет кратно ниже менеджера среднего звена богатой компании, который является наемным работником. То есть стратификация позволяет рассмотреть общественную структуру в отвлеченности от классовых отношений, что важно для непредвзятости при выборе метода.

Имея своим основанием доход, социальные страты не могут быть устойчивыми, так как уровень дохода может весьма сильно колебаться даже в рамках одной профессии, не говоря уже о таких факторах, как карьерный рост, возраст, близость к руководству, сокращение, кризисы, перебои или внезапные скачки в объемах сделок и т. д., и т. п.

Само перемещение людей из страты в страту есть изменение их материального положения, что именуется «социальной мобильностью». Человек в силу множества обстоятельств двигается по стратам, что вполне естественно для экономических отношений в целом: производство и потребление – процессы динамичные, изменяются потребности и возможности, а следовательно, и меняется общественное распределение как по отраслевому, так и по географическому признаку. Когда это происходило в рамках национальной экономики, это могло обострять социальные противоречия, заложенные в способе общественного производства, принимая различные формы. Участниками любых событий, являвшихся последствиями этих движений,

[74] Рыжков Д.Л. Миграция как форма социальной мобильности в глобальной социальной структуре // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013.№5(133). С. 135-140.

выступали представители одной нации, то есть люди одной национальной культуры, как правило – одного вероисповедания, поэтому необходимость перемещения между стратами могла толковаться потребностями людей в обеспечении условий собственного существования. Например, человек стремится подняться на страту в связи с тем, что хочет более комфортной жизни своей семьи, и это здравое желание. Однако кризисные явления в экономике могут оставить без работы людей или сократить их доход, переместив на страту ниже. И это печальное явление, в случае массового характера может вызывать общественное сочувствие, ведь независимо от материального положения люди видят себя детьми одной нации.

Совсем другое дело, когда социальная структура становится глобальной, тогда страты интернационализируются и движение между ними может означать перемещение из одной страны в другую. *Одна страта* может находиться *в различных национальных пространствах*, в то время как социальная структура одной нации состоит из множества социальных страт. Не нужен научный анализ, чтобы знать, что люди с похожим уровнем материальной обеспеченности имеются в странах совершенно разных регионах хозяйствования или, употребляя термин профессора Ю. И. Семенова, социоисторических организмах[75]. Среди представителей политической элиты стран, называемых в недавнем прошлом «странами третьего мира», имеются богачи, состоянию которых могут позавидовать совладельцы богатейших компаний, зарегистрированных в Западной Европе и США. Наоборот, в экономически развитых и социально благополучных странах всегда имеются слои, способные на свой доход только кормить семью, но не более того.

Стратификация как социальное межевание основывается на доходе и некоторых иных признаках общественного статуса. То есть отнесение к страте является результатом социального положения человека. Социальные группы, определяемые формами труда, также национально неоднородны, а разные нации, в свою очередь, включают всех представителей таких групп. Представители наемного труда, относимые как к так называемым «голубым воротничкам», так и к «белым воротничкам», имеются среди всех наций. Более того, те, кого стало принято именовать «золотыми воротничками», то есть представителей менеджмента высшего звена, имеются и в бедных странах.

[75] Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М.: Старый сад, 1999.

Таким образом, благосостояние одних и тех же *групп интернациональной социальной структуры*, выделяемых по форме труда, *зависит от национальных условий продажи рабочей силы.* Это создает, с одной стороны, *условия движения наемного работника* одной формы труда, а тем более одной профессии, туда, где его рабочая сила имеет большую цену, а наличие *разных страт внутри одной формы труда – потенциал такого движения*. Так, глобальная система общественных отношений создает в едином интернациональном поле социально-экономических связей основания к социальной мобильности, где переход в иную социальную группу означает смену национальной территории пребывания, и наоборот, когда смена страны проживания дает возможность изменить социальную страту. Такая социальная мобильность проявляется в *миграции*, обусловленной отношениями общественного производства, имеющей особенности в связи с исторически сложившейся спецификой международного разделения труда. Действительно, исторически «абсолютное большинство иммигрантов составляли наименее состоятельную экономически часть этноса государства исхода, практически не получившую образование и воспитание на родине»[76].

С развитием информационных технологий, транспорта и связи стало легче преодолевать барьеры расстояния в мире, проще получать информацию о потребности рабочих рук или профессионалов конкретной специальности. Для населения многих периферийных стран нет проблемы коммуникации в развитых странах в связи с владением одним или несколькими иностранными языками, ставшим естественным наследием колониализма. Эти обстоятельства упрощают миграцию, но остаются барьеры культурного пространства, вероисповедания. Естественно, что иммигранту на первых порах требуется какая-либо помощь в культурной адаптации, которую в том или ином виде чаще всего он может найти в диаспоре, обеспечивающей мигранту «экзистенциальную стабильность на время адаптации в новой культурной среде, то есть исполнить роль "гипсовой повязки" для травмированной сменой идентификации личности»[77]. Не является само по себе проблемой наличие в любой стране людей иных традиций и религиозной принадлежности, однако когда «наличие» перерастает во

[76] Хрусталев И.М. Этническое предпринимательство мусульманских диаспор в странах Западной Европы // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 188-191.
[77] Аносова Т.Ф., Кирилюк С.С. Диаспора – оптимальная форма адаптации мигрантов // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2005. Т. 7. № 1. С. 60-68.

«множество», перестает быть актуальной ассимиляция. Зачем менять культурную принадлежность, когда есть диаспора или крупная община, в которых можно найти повседневное общение, развлечения, где содействуют поиску работы, помогут с образованием детям и даже окажут материальную поддержку в непредвиденных обстоятельствах.

Возможность поддерживать собственную идентичность и общность за рубежом, с одной стороны, и потребность притока в страну пребывания мигрантов по тем же основаниям, по которым они появились в ней раньше – с другой, задают условия для появления устойчивых *каналов* миграции. Ярким примером появления и совершенствования таких каналов являются китайские диаспоры по всему миру: «Закрепившиеся в принимающих государствах зарубежные китайские диаспоры способны принимать нелегальных мигрантов, и зачастую они испытывают в них потребность как в источнике дешевого труда, который и обеспечивают им преступные группировки по нелегальным каналам»[78]. Такие каналы рождают отношения по поводу доступа к миграции, новые способы обогащения одной ее части за счет нуждаемости другой, что не может не играть существенной роли в формировании иерархических отношений внутри диаспоры.

Так, социальная мобильность в глобальной социальной структуре, превращаясь в миграцию, приобретает иную по отношению к себе форму существования и закономерности развития. Появляются новые общественные отношения по поводу принадлежности к диаспоре и способу миграции. Самостоятельно мигрировать – задача не из простых, так как связана с материальными затратами на проезд, проживание и содержание себя в первое время пребывания в чужой стране, поиск работы и т. д. Если человек мигрирует в поисках заработка, то, как правило, на все на это у него нет средств, и их придется занимать либо какое-то продолжительное время копить. Не каждый способен к такой самоорганизации, не ведая, насколько успешна будет его затея. Поэтому одним из вариантов является помощь тех, кто достанет билет, предоставит работу, кров и все, что необходимо для адаптации. Массовый характер такая помощь может приобретать на коммерческой основе, что и происходит. Цена рабочей силы в принимающей стране хоть и существенно выше, чем на родине мигранта, однако относительно местного уровня жизни она небольшая, а часто мигрант отправляет деньги своим родным, поэтому из заработанного трудно

[78] Анохина Е.С. Нелегальная китайская миграция в современном мире // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 359. С. 66-69.

быстро рассчитаться со своими «добродетелями» и приходится это делать продолжительное время, попадая в определенного рода зависимость. Например, одна из самых больших групп вьетнамской диаспоры в России представлена трудовыми мигрантами, являющимися рядовыми работниками производственных предприятий, которые организуют и содержат более состоятельные вьетнамцы и на которых эти работники проводят подавляющее большинство времени своего пребывания в России»[79]. Или «…например, из 7 тысяч рабочих, трудившихся в Камбодже на предприятиях с китайскими инвестициями, только 2 тысячи имели разрешение на работу, остальные работали нелегально»[80]. Те из мигрантов, кто не растягивает такой долг, предпочитая сразу заплатить за обозначенные услуги, все равно становятся клиентами этого бизнеса, обеспечивая выручку в кассе «контролеров» миграционных (легальных или нелегальных) потоков.

Возникновение социальной иерархии внутри диаспоры вносит в регулирование миграционного потока субъективную составляющую, а именно – волю наиболее влиятельной части диаспоры. Такое обстоятельство, при условии внушительной численности диаспоры, превращает *контроль над миграционным потоком* в *политический инструмент*, причем не столько в стране-экспортере рабочей силы, сколько в принимающем государстве. При этом такой контроль может осуществляться самой экспортирующей страной, что происходит, например, в Китае: «Одиночек, выезжавших в поисках неквалифицированной работы, теперь в значительной мере заменили контрактные рабочие, набираемые центральными или местными государственными организациями»[81]. Это вносит специфику не только в международные экономические, но и политические отношения, особенно если в диаспоре сильно осознание принадлежности к этнической родине. Так, для отбывших китайцев характерно, что «для мест регулярного и значительного по объему исхода эмигрантов, их, так сказать, “родовых гнезд”, существует даже специальное название “цяосян” (букв. “эмигрантская деревня”, “родная земля эмигрантов”)... Специфические тесные связи эмигрантов с их “цяосян” служат предметом мно-

[79] Чесноков А.С. Вьетнамская диаспора в России: история и современность // Известия Уральского федерального ун-та. 2009. Т. 69. № 3. С. 40-46.
[80] Zhuang Guotu. Lun Zhongguo ren yimin dongnanya de si ci dachao (Размышления о четырех волнах китайской эмиграции в Юго-Восточную Азию) // Nanyang wenti yanjiu. 2008. № 1. P. 73-81.
[81] Ларин А.Г. Роль китайской диаспоры в развитии экономики Китая // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 2. С. 28-36.

гочисленных исследований. Удачливые заморские земляки вносят существенный вклад в развитие родных мест, не только переводя деньги родственникам, но и создавая новые предприятия, спонсируя строительство больниц, школ и даже университетов»[82].

В результате на международной арене отношений возникают новые зависимости, в которых проявляются экономические и политические интересы диаспор. Например, китайские диаспоры в Юго-Восточной Азии имеют «значительные экономические рычаги лоббирования собственных интересов и, таким образом, зачастую оказываются достаточно крепко связаны с политическими силами. Спонсирование предвыборных кампаний, взятки, “откаты” – это только часть их инструментов влияния на политическую сферу. Более того, именно этнические китайские компании часто создают связку между бизнесом и политикой»[83]. Из двух сотен самых богатых людей мира 16 относятся к представителям китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии[84].

В условиях могущества государства – экспортера мигрантов его контроль над миграционными потоками призван укреплять экономическое, а значит, и политическое влияние за рубежом. В случае с Китаем это именно так: «В целом можно заключить, что “новая” миграция привела к усилению позиций традиционной китайской диаспоры в странах проживания, а также укреплению их связей с КНР. При этом она не претерпела значительных изменений в своей структуре по сравнению с диаспорами в других странах, например в США или Австралии, однако и в ней произошло увеличение доли говорящих по-китайски и людей, идентифицирующих себя как этнических китайцев»[85]. Таким образом, эмиграция может выступать формой влияния одних национальных экономических систем на другие.

Однако большая часть стран-экспортеров рабочих рук не обладает таким могуществом и не занимает подобного Китаю места в международной политике за счет эмиграции. Для такой страны, как Франция, прославившейся на весь мир волнениями иммигрантов, ос-

---

[82] Zhuang Guotu. Lun Zhongguo ren yimin dongnanya de si ci dachao (Размышления о четырех волнах китайской эмиграции в Юго-Восточную Азию) // Nanyang wenti yanjiu. 2008. № 1. P. 73-81.

[83] Анохина Е.С. Китайские диаспоры и «новая» китайская диаспора в странах Юго-Восточной Азии // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 361. С. 62-65.

[84] South-East Asia’s Chinese // BBC. 29.08.2001. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/1514916.stm

[85] Соколов А.Н. Миграция и национальная безопасность // Правоохранительные органы стран Балтийского региона в борьбе с преступлениями в рамках закона о гражданстве. Материалы междунар. научно-практ. конф. КЮИ МВД России, 2005. С. 4-10.

новными источниками иностранцев являются страны Магриба. Прибывающее оттуда население по численности можно разделить на основные группы: «Алжирцы во Франции насчитывают свыше 1,5 млн человек... Они заняты во многих отраслях экономики, прежде всего в сельском хозяйстве и строительстве. Второй по величине североафриканской общиной являются марокканцы. Их насчитывается около 1 млн. человек. Как и алжирцы, подавляющая часть марокканцев представлена неквалифицированными или низкоквалифицированными рабочими, занятыми в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, на уборке овощей и фруктов. Заметное место в этническом разнообразии Франции занимают тунисцы, диаспора которых насчитывает около 350 тысяч человек. Выходцы из Туниса задействованы в основном в сельском хозяйстве, торговле, рыбной и текстильной промышленности, в качестве обслуживающего персонала в отелях и в сфере доставки продовольствия»[86].

Обозначенные диаспоры не имеют за спиной такую мощную державу, как КНР, однако их численность по отношению к коренному населению велика, и они представлены уже не одним поколением. Так, «во Франции из 61 млн. населения 4,3 млн. – иностранцы. В Швеции из 9 млн. жителей почти 2 млн. – «лица с иностранным прошлым». 40 % новорожденных детей – дети иммигрантов»[87]. Их также объединяет принадлежность к вере, имеющей специфику в том, что «ислам исторически утверждался как религия большинства, в нем не заложен инструмент приспособления мусульманской уммы к роли группы меньшинства»[88]. С учетом всего этого уже невозможно не считаться не только с их наличием, но и с их интересами и правами, о которых они все чаще заявляют. Тенденция проявления политической активности диаспор характерна не только для Западной Европы, но и для принимающих стран американского континента. Например, филиппинская диаспора в США, не имеющая могучей державы за спиной, благодаря своей численности уже имеет притязания на политическую власть, о чем свидетельствует высказывание координатора Национальной Федерации Ассоциаций Филиппинского происхожде-

[86] Хрусталев И.М. Этническое предпринимательство мусульманских диаспор в странах Западной Европы // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 188-191.
[87] Соколов А.Н. Миграция и национальная безопасность // Правоохранительные органы стран Балтийского региона в борьбе с преступлениями в рамках закона о гражданстве. Материалы междунар. научно-практ. конф. КЮИ МВД России, 2005. С. 4-10.
[88] Наумкин В.В. Мусульманская диаспора на Западе: дифференциация, конвергенция, гибридизация? // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 23. С. 4-14.

ния (*National Federation of Filipino American Associations*): «…мы имеем высокий рейтинг натурализации и регистрации избирателей, но участие филиппинцев на выборах ничтожно мало. Мы не можем продолжать оставаться невидимками. Мы должны обозначить наше политическое присутствие в этой стране, усиливая наше гражданское участие во всех аспектах американской жизни»[89].Независимо от стран происхождения и пребывания, массовая миграция, как форма социальной мобильности в глобальной социальной структуре, противостоит национальному государству в том его виде, в каком оно сложилось в начале XX столетия. Численность мигрантов, выражающая количественную сторону миграции как социального явления, на определенном этапе переходит в иное качество их существования и статуса на исторических территориях иных народов. Это неизбежно выливается во внутренние проблемы национальных систем: «…современные диаспоры, их ресурсы и организации представляют один из наиболее серьезных исторических вызовов государствам. В странах пребывания они формируют сети международной незаконной торговли наркотиками, создают террористические организации, вовлекаются в другие акции, которые нарушают национальный закон и внутреннюю стабильность»[90].

Анализируя происхождение и современное положение диаспор на территории ФРГ, исследователи приходят к выводу, что «…чем сильнее диаспора, тем большее влияние она оказывает на регулирование жизни своих членов и тем в большей степени она противопоставляет свою общину принимающему обществу ФРГ»[91]. Для обозначения влияния мигрантов на культуру принимающих наций некоторые авторы даже ввели понятие «этнопсихологическая маргинальность», под которым понимают усвоение ценностей, норм и идеалов, не вызывающее личностного кризиса, но размывающее национальную идентичность[92].

---

[89] New America Media. Filipino to Be Listed as Own Category in Census 2010. URL: http://news.newamericamedia.org/news/view_article.html?article_id=95f1fd65c7b560b53716f2aefad0d668

[90] Аносова Т.Ф., Кирилюк С.С. Диаспора – оптимальная форма адаптации мигрантов // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2005. Т. 7. № 1. С. 60-68.

[91] Чичкова Е.Н., Семенов О.Ю. Влияние диаспор на разработку и осуществление германской иммиграционной политики // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 294-300.

[92] Шабанов Л.В., Лапшин В.В. Пара «толерантность – интолерантность» как регулятор взаимоотношений этнических субкультур // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2009. Вып. 2 (80). С. 100-104.

Неудивительно, что подобные последствия миграций приводят к ответной реакции со стороны коренного населения стран-импортеров мигрантов. Доминик Видаль приводит в своей статье в газете «Дипломатический мир» данные опроса, проведенного в 2004 г. в Европе Национальным консультативным комитетом Франции по правам человека об отношении к религиям: к христианству отнеслись положительно 52 % и отрицательно 13 % европейских респондентов, к иудаизму соответственно – 30 и 20 %, к исламу – 23 и 66 %[93]. Общественное мнение в ФРГ настроено еще более негативно: «…когда в Германии в ходе опроса респондентов спросили, о чем они думают, когда слышат слово “ислам”, 93 % ответили: “угнетение женщин”, 83 % – “терроризм”, 82 % – “радикализм”. Прослеживается явный образ врага, созданный не без помощи средств массовой информации»[94]. Эта реакция рождает напряженность в обществе, когда в общественном сознании оценка социально-экономических трудностей происходит через призму этнического, расового и религиозного различия. Постепенно такой способ мышления становится общепринятым в силу своей доступности для умов, невооруженных научной методологией. Возникает напряженность, но ее объективная причина подменяется в сознании субъектов иными интерпретациями социальных проблем. Так происходит *превращение* проявлений общественного противоречия, вызванного природой капитала, в такую его форму, которая скрывает действительность его содержания. В данном случае такой превращенной формой является миграция.

Глобализация социальной структуры сделала межклассовые противоречия *внешним* проявлением для национального государства, оградив тем самым правящий класс от забот по урегулированию социальной напряженности на этом основании внутри развитых стран. *Внешнее противоречие* для системы *не является основанием к развитию*, в связи с чем о классовых антагонизмах забыли, представляя передовые страны государствами всеобщего благоденствия. Однако объективное противоречие при наличии оснований так или иначе найдет себе выход если не в прямой, то в иной – превращенной форме. Одной из таких форм явилась *миграция* населения, которая будучи порожденной объективными, но *внешними по отноше-*

---

[93] Vidal D. Quand Jean Christophe Rufi n prône le délit d’opinion. Le Monde diplomatique, 21 Octobre 2004.

[94] Наумкин В.В. Мусульманская диаспора на Западе: дифференциация, конвергенция, гибридизация? // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 23. С. 4-14.

нию к нации социально-экономическими противоречиями транснациональных социально-экономических отношений, *создала внутреннюю напряженность* для национальных систем капиталистических центров. Иначе говоря, миграция актуализировала основное капиталистическое противоречие в национальном поле, сделав его опять внутренним для передовых капиталистических стран. Для социально-философского анализа международные общественно-экономические взаимодействия следует рассматривать как единую закрытую систему связей, в которой миграция выступает формой проявления основного капиталистического противоречия. Таким образом, социальное противоречие, обусловленное способом общественного производства, рождая миграцию как свою превращенную форму, трансформирует напряженности классового характера в межэтнические, межрелигиозные и политические конфликты внутри развитых стран Европы и Америки.

6. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Как известно, миграционный оборот населения в России, пик которого приходился на начало 1990-х гг., в последние годы постепенно снижается. С 2000-го по 2005 г. численность людей, прибывших на новое место жительства из других населенных пунктов России и из-за рубежа, сократилась на 21,55%, выбывших в пределах России и за рубеж – на 18,16%. Число вынужденных переселенцев и беженцев за этот же период сократилось с 59 196 до 8914 человек[95]. На первый взгляд, доля приезжих в 2005 г. в составе всего населения относительно невелика –1,46% (немногим более 2 млн человек). Однако в оценке масштабов миграции и связанных с ней проблем следует опираться на данные многолетних наблюдений, ибо приживаемость мигрантов на новом месте жительства, то есть их трудовая и социальная адаптация, социокультурная интеграция в местную территориальную и этническую общность населения длится в среднем не менее 10 лет. Причем неблагоприятные социальные эффекты миграции имеют свойство аккумулироваться. По официальным данным,

[95] См. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: Стат. Сб. / Росстат. М., 2006. С. 57-58.

только за 2000-2005 гг. количество людей, прибывших на новое место жительства в пределах России и из зарубежных стран, составило почти 13,6 млн человек, а с 1990-го по 2005 г. – более 47,5 млн. В их числе почти 9 млн, или 19% прибывших, переместились в Россию из-за рубежа[96]. В действительности количество мигрантов наверняка больше. Об этом свидетельствуют данные выборочного социологического опроса представителей этой категории людей. Не обращались в органы милиции или миграционной службы при переезде на новое место жительства 42,5% опрошенных, то есть едва ли они учтены официальной статистикой. Но суть дела не столько в точности статистических данных, сколько в том, что за годы реформ примерно треть населения нашей страны испытала судьбы мигрантов. К категории прибывших на постоянное жительство примыкает многочисленная армия людей, приезжающих временно на заработки. Это «отходники» – лица, перемещающиеся в поисках заработков в пределах своих регионов или из других регионов, и «гастарбайтеры» – граждане, прибывшие в Россию из других стран. Их общее количество по экспертным оценкам (точных данных нет) может составлять ежегодно 5–6 и более миллионов человек. Миграционные процессы влекут за собой изменения в социальной и демографической структуре российского общества. Они существенно влияют на общественное разделение и уровень оплаты труда, на рынок труда в целом, а также на уровень социальной напряженности в регионах с длительным и интенсивным притоком людей. К сожалению, количественные характеристики миграционного оборота крайне редко рассматриваются в органической связи с его конкретными социальными последствиями, а они могут быть как позитивными, так и негативными. Например, обмен населением России с зарубежными странами характеризуется миграцион-

[96] Опрос проведен с 8 по 15 июня 2007 г. Социологическим центром РАГС при Президенте РФ по стратифицированной многоступенчатой выборке в 12 субъектах России, характеризуемых высоким уровнем миграции – Ставропольском, Хабаровском краях, Воронежской, Московской, Новосибирской, Оренбургской, Ростовской, Самарской, Челябинской, Читинской областях, Москве и Санкт-Петербурге. Объем выборочной совокупности респондентов из числа постоянного состава местного населения – 700 человек, пропорционально представляющих жителей городской и сельской местности, а также основные социально-демографические группы. Объем выборочной совокупности мигрантов – 506 человек. Среди них сменившие место жительства в пределах России (внутри регионов и из других регионов) и прибывшие из-за рубежа (в том числе переселенцы и беженцы), а также трудовые мигранты – «отходники» и иностранные «гастарбайтеры». В выборочной совокупности опрошенных мигрантов 61,3% временно приехавшие на заработки, 22% причисливших себя к вынужденным переселенцам и беженцам и 16,7% тех, кто добровольно сменил место жительства, приехал к родственникам и т. д.

ным приростом для нашей страны, который в 2005 г. составил более 107 тыс. человек. В глобальном, в том числе демографическом, плане этот факт можно оценивать положительно. В частности, миграционный прирост населения компенсирует его естественную убыль, обусловленную в Российской Федерации тем, что показатели смертности в последние годы преобладают над показателями рождаемости. Однако если сопоставлять качественный состав мигрантов, прибывающих в Россию и выбывающих из нее, по уровню образования, профессиональной подготовке, этнической принадлежности и другим показателям, то миграционный обмен выглядит проблематичным. Не считая нелегальной миграции, в 2005 г. в Российскую Федерацию прибыли в основном мигранты из стран СНГ, в том числе 74% из стран Средней Азии и Закавказья. Их состав достаточно пестрый, но многие из них относятся к категории социально уязвимых людей, нуждающихся во всемерной помощи со стороны государства и общества. При этом этническая группа русских составляет около поло+ вины международных мигрантов. Среди выбывших из России половину составляет люди, эмигрировавшие в страны Западной Европы, США и Канаду. Они претендуют за рубежом не на убежище, а на более продуктивное применение имеющихся у них социальных и профессиональных ресурсов. Об этом свидетельствуют материалы социологических опросов, проведенных в разные годы Социологическим центром РАГС по репрезентативной общенациональной выборке, характеризующие распространенность эмиграционных настроений среди различных социальных групп российских граждан. Прежде всего, обратим внимание на то, что на протяжении многих лет сохраняется предрасположенность значительной части граждан к эмиграции из России. Это отражено в таблице 1.

Таблица 1

Распространенность эмиграционных настроений
(в % от количества опрошенных)

Настроения	1993 г.	1998 г.	2001 г.	2005 г.
Не имеют желания уезжать в другую страну	72,3	66,8	68,1	66,3
Хотели бы уехать в другую страну на постоянное место жительства или временно	14,5	22,7	20,8	21,3
Затруднились ответить	13,2	10,5	11,1	11,1

Эмиграционные настроения свойственны не только представителям науки, искусства, спорта и других элитарных категорий насе-

ления, рассчитывающих на улучшение возможностей для достойной работы, получения зарплаты, удовлетворения творческих амбиций, но и значительной части людей, занятых предпринимательской деятельностью, инженерно-техническим специалистам. При этом чем моложе возрастная группа опрошенных, тем чаще у ее представителей выражено стремление временно или даже навсегда перебраться в другую страну. Так, например, выразили желание временно или навсегда уехать из России в возрастной группе 50–59 лет 18,1%, в группе 30–39 лет – 24%, в группе 18–24 года – 30,4%. Неоднозначна оценка внутренней миграции населения нашей страны, на которую приходится около 90% учитываемого статистикой миграционного оборота. Она в значительной мере обусловлена диспропорциями в социально-экономическом развитии регионов. В 1990-е и 2000-е гг. люди мигрировали в поисках лучшей доли преимущественно из сельской местности в города, из регионов Дальнего Востока, Севера, Сибири и Поволжья в европейском направлении.

Москве, в которой в 2005 г. на одного выбывшего приходилось четыре прибывших, и другим крупным городам миграция приносит определенный выигрыш. Их население пополняется бизнес-мигрантами, молодыми и достаточно квалифицированными работниками, улучшающими качественный состав населения. Привлекательность мигрантов для крупных центров их притяжения состоит также в том, что они (особенно прибывшие временно на заработки) готовы выполнять непрестижную работу в строительстве, на транспорте, в жилищно-коммунальной сфере за относительно невысокую оплату труда. Особый случай – миграция населения из кавказских регионов России – Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и некоторых других административно-территориальных образований. С точки зрения перераспределения рабочей силы и решения социальных проблем в этих регионах ее следует оценить позитивно. Однако в силу расхождения этнокультурных особенностей представителей этнических групп кавказских народностей, с одной стороны, и населения принимающих регионов – с другой, этот миграционный процесс чреват конфликтными ситуациями. Речь идет не только об отдельных эксцессах, в которых проявляются враждебные взаимоотношения местного населения и представителей этносов кавказских регионов России. На основании данных социологического опроса местного населения и мигрантов можно сделать вывод, что в массовом сознании сложился устойчивый синдром неприятия инородцев вообще.

Это неприятие проявляется вдвойне, если инородцы неславянского происхождения.

Таблица 2

Отношение местного населения к различным группам мигрантов
(в % от количества опрошенных)

Категории мигрантов	Положительное	Равнодушное	Отрицательное	Неопределенное
Выходцы из неблагополучных регионов России	27,1	27,9	27,6	17,4
Представители кавказских народов России	7,0	14,7	66,0	12,3
Русские из бывших республик СССР	48,4	26,7	12,9	12,0
Представители народов Азербайджана, Армении, Грузии	6,0	15,6	66,0	12,4
Представители народов Беларуси, Украины, Молдовы	20,7	34,1	29,0	16,2
Представители народов Средней Азии – Казахстана, Киргизии и др.	7,9	21,0	57,7	13,4
Представители народов Вьетнама, Китая и др.	4,9	13,1	67,6	14,4

Таблица 3

Мнения мигрантов об отношении к ним местного населения
(в % от количества опрошенных)

Категории мигрантов	Положительное	Равнодушное	Отрицательное	Неопределенное
Выходцы из неблагополучных регионов России	14,6	31,4	13,4	40,6
Представители кавказских народов России	6,5	20,8	40,3	32,4
Русские из бывших республик СССР	25,7	32,8	6,9	34,6
Представители народов Азербайджана, Армении, Грузии	4,5	19,8	39,3	36,4
Представители народов Беларуси, Украины, Молдовы	12,3	33,6	12,3	41,8
Представители народов Средней Азии – Казахстана, Киргизии и др.	9,1	25,3	29,1	36,5
Представители народов Вьетнама, Китая и др.	3,6	15,4	36,8	44,2

Представляет интерес то, что в сравнении с местными жителями мигранты (а среди опрошенных есть представители всех указанных в таблицах групп) реже указывают на ощущение неприязненного отношения к себе со стороны местного населения. Но в целом очевидно преобладание негативного отношения к представителям этнических групп Кавказа. Оно выражается независимо от гражданства и вероисповедания этих категорий мигрантов. Аналогично, преобладают отрицательные оценки в отношении выходцев из азиатских стран, входящих в СНГ, а также Вьетнама и Китая, хотя доля последних в составе международных мигрантов мизерна. Отчасти такой вектор

формирования общественного мнения, связанного с межэтническими отношениями, объясняют ответы на следующий вопрос, заданный местному населению: «Видите ли вы что-то отрицательное для своего города (района) от людей, приезжающих на заработки, и переселенцев?». Наиболее значимые из этих ответов распределились следующим образом (в % от количества респондентов):

подмяли под себя торговлю на рынках –	48,1
способствуют росту преступности –	46,9
неуважительно относятся к местным жителям и традициям –	35,7
снижают уровень оплаты труда местных жителей –	33,9
являются источниками межнациональных конфликтов –	28,7
обостряют безработицу –	24,6
создают трудности в обеспечении населения жильем, транспортными средствами и социальными услугами –	23,6

Естественно, каждый из этих факторов с точки зрения влияния на социально-психологическую атмосферу в обществе в разных поселениях проявляется неодинаково и привязан к конкретной ситуации и к конкретным группам мигрантов. Проблемы конкуренции на рынке труда больше связаны с приехавшими на заработки, проблемы преступности – с нелегальной миграцией, проблемы этнокультурного несоответствия – с этническими особенностями мигрантов и т. д. Однако все эти факторы, безусловно, имеют актуальное значение и заслуживают внимания при осуществлении миграционной политики, в деятельности местных властей и в публикациях СМИ. Одна из проблем внутренней миграции населения, имеющей существенное демографическое и экономическое значение, в том, что высокие коэффициенты миграционного прироста приходятся на регионы Центрального и Южного федеральных округов. В значительной мере это обусловлено депрессивным социально-экономическим положением субъектов РФ с отрицательным миграционным сальдо. Негативный результат – вымывание рабочей силы, консервирующее неблагополучие областей, краев и республик, из которых мигрирует население.

Таблица 4

Основные мотивы миграции
*(в % от количества опрошенных)**

Основные мотивы	Вынужденные переселенцы и беженцы	Работники, приехавшие на заработки	Другие	Всего
Отсутствие работы	27,9	62,6	18,8	47,6
Низкие заработки	20,7	53,2	16,5	39,9
Неблагоприятный климат	9,0	3,2	7,1	5,1
Плохая экология (загрязнение окружающей среды)	1,8	1,6	5,9	2,4
Межнациональные конфликты	29,7	2,3	8,2	9,3
Отсутствие перспектив жизни	40,5	21,3	30,6	27,1
Другое	24,3	3,5	52,9	16,4

*Сумма ответов по столбцам не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов.

Таким образом, основные мотивы миграции экономические: 87,5% опрошенных мигрировали из-за отсутствия работы или низких заработков. Большинство мигрантов нашли в регионах прибытия то, чего они добивались: 73,5% оценили свою зарплату (доход), как очень хорошую или сравнительно неплохую. Тем не менее, весьма существенная проблема выражается в том, что многие мигранты, особенно приезжающие временно на заработки, оказываются в регионах прибытия в положении людей второго сорта. В определенной мере это обусловлено тем, что значительная их часть по показателям образования и квалификации относится к социальным низам. Поэтому они вынуждены в нынешних условиях терпеть бытовую неустроенность, отсутствие надежных социальных гарантий существования. Однако это ни в коей мере не оправдывает произвол работодателей, бюрократическое отношение к ним со стороны местных властей, поборы и т. д. Как показал опрос мигрантов, 39,8% из них наняты на работу без заключения официального трудового соглашения (контракта), 20% сталкивались с нарушением законов при получении вида на жительство или регистрации (среди вынужденных беженцев и переселенцев их доля составляет 32,4%), 15,2% – с вымогательством милиции и т. д. Особенно неблагополучное правовое положение мигрантов, приехавших на заработки. Судя по распределению их ответов, они относительно чаще становятся жертвами преступлений (30,6% опрошенных), страдают от вымогательства со стороны работников милиции. Как правило, «гастарбайтеры» и люди, перемещающиеся ради заработков внутри страны, не располагают объективной

информацией об условиях найма на работу и социальном обустройстве в местах прибытия. Наиболее часто передвижение таких мигрантов регулируются землячествами, лидеры которых выполняют функции принимающей стороны, выступают посредниками между местными властями и мигрантами. Естественно, эти функции осуществляются за определенную мзду.

Опираясь на изложенные факты, можно сделать два вывода. Во-первых, сегодня миграция в нашей стране практически целиком является процессом стихийной социально-экономической самоорганизации населения. Власти обычно слабо влияют на этот него. Между тем конструктивная помощь властей могла бы выразиться в эффективном информировании мигрантов о потребностях в рабочей силе, в создании элементарных условий проживания мигрантов в местах их значительной концентрации, в оказании им юридической помощи при трудоустройстве, в более эффективной защите от преступности и т. д. Во-вторых, миграция порождает противоречия между интересами многих людей, имеющих к ней как прямое, так и косвенное отношение. Сегодня эти противоречия локализуются в основном на поселенческом уровне и проявляются в разнородных мелких конфликтах, в том числе межэтнического свойства. Однако при увеличении миграционных потоков и усилении их стихийности вызываемые ими противоречия могут резко обостриться и обернуться разрушительными следствиями в масштабе регионов и страны в целом. Для предупреждения такого развития событий, несомненно, требуется усиление взаимодействия органов государственной власти с землячествами, осуществление воспитательной работы, направленной на формирование толерантных межэтнических отношений, а также, может быть, некоторое ограничение притока мигрантов в местности с высокой плотностью населения.

7. МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Миграционные процессы играют важную роль как в социально-экономической, так и в общественно-политической жизни страны, регионов, а миграционная политика является одним из направлений государственной политики. Вопросы регулирования миграционных процессов, пресечения нелегальной иммиграции являются актуальными и для местных органов государственной власти. Нами предпринята попытка показать влияние миграции на основные процессы социально-экономического развития, выявить отрицательные и положительные моменты этого явления и обосновать миграцию как один из факторов развития территории. Схематически это выглядит следующим образом (см. рисунок 1).

Рис. 1. Влияние миграции на социально-экономическое развитие территорий.

Схема наглядно демонстрирует, что миграция оказывает непосредственное воздействие, прежде всего, на такие процессы и характеристики, как демографическая ситуация; уровень развития произ-

водительных сил; состояние рынка труда; социально-экономические характеристики уровня жизни. Являясь одной из форм адаптации людей к меняющимся условиям жизни сообщества, миграция существенно влияет на географию, структуру и динамику населения мира ñ от отдельных населенных пунктов, районов до целых стран и континентов. В прошлом известны массовые перемещения людских масс по самым разным причинам, как природным, так и социально-экономическим. Так, подавляющая часть населения Америки и Австралии состоит из потомков иммигрантов[97].

Миграция приводит к изменениям демографической структуры населения и в районах выселения, и в районах вселения мигрантов. Поскольку наиболее подвижной частью населения является население в трудоспособном возрасте, и прежде всего молодежь, то в районах выезда сокращаются темпы прироста населения, и не только за счет оттока, но и за счет сокращения естественного прироста, «старения» населения. В районах значительного притока мигрантов население растет более высокими темпами, формируется специфическая возрастная структура, в которой доля жителей трудоспособного возраста, особенно молодежных групп, значительно выше средних показателей. Кроме того, из-за большей миграционной подвижности мужской части населения, происходит маскулинизация районов массового притока мигрантов.

Демографические последствия миграции проявляются в процессах, определяющих уровень воспроизводства населения, а именно в процессах рождаемости и смертности.

Прежде всего, миграция оказывает влияние на рождаемость. Можно выделить несколько направлений такого влияния.

1. Миграция изменяет половую и возрастную структуру населения разных мест, что должно сказываться на брачности и, соответственно, рождаемости как в местах искажения нормальной структуры, так и по стране в целом.

2. На переселенцев действуют условия жизни в местах вселения, а также принятые здесь нормы демографического поведения. Миграция как фактор развития Изменение демографической ситуации Социально-экономические характеристики уровня жизни Состояние рынка труда Уровень развития производительных сил Размеще-

[97] Верещагина Т.А., Коростелева Е.С. Миграция как фактор социально-экономического развития территории // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 8. № 1. С. 46-50.

ние производительных сил Возможности для развития через состав и качество трудовых ресурсов Возможности для функционирования и развития ряда отраслей География населения Структура населения Динамика населения Спрос на рабочую силу Уровень безработицы Структура занятости Условия труда и уровень оплаты труда Предложение рабочей силы Качество жизни Криминогенная ситуация Экологическая ситуация Санитарно-эпидемиологическая ситуация Межэтнические отношения.

3. Сами переселенцы переносят определенные нормы демографического поведения, системы ценностей и т.д., что отражается, вероятно, на поведении населения мест вселения.

Изменение уровня смертности в результате миграции может быть следствием следующих причин.

1. Изменение условий существования переселенцев, в результате чего могут измениться состояние их здоровья и уровень их смертности; эти изменения могут быть направлены как в сторону ухудшения состояния здоровья, так и в сторону улучшения.

2. Влияние контингентов переселенцев на состояние здоровья старожилов.

Под воздействием миграции изменяется социальная структура, этнический состав, размещение и расселение населения.

Современные миграции представляют собой сложный социально-экономический процесс и имеют свои плюсы и минусы.

Миграции тесно связаны с уровнем развития производительных сил и их размещением в разных районах. Высокий уровень подвижности населения обеспечивает более полное использование рабочей силы, перераспределение ее между индустриальными центрами и осваиваемыми территориями, способствуя экономическому прогрессу. Специалисты отмечают, что «степень подвижности населения отражает и общий уровень развития страны»

Эмиграция уменьшает давление на рынок труда страны-экспортера, сокращая безработицу. Трудовые мигранты, заботясь о благополучии своих семей, как правило, пересылают значительную часть заработанных денег на родину, обеспечивая поступление сюда валюты. Странам-импортерам миграция дает возможность использовать образовательный потенциал квалифицированных иностранных работников без затрат на подготовку. Привлечение малообразованной, неквалифицированной рабочей силы создает для местного населения возможность заниматься более интеллектуальным трудом.

В то же время результаты миграции противоречивы, поскольку массовый приток мигрантов может быть причиной роста безработицы, оказывать чрезмерное давление на социальную инфраструктуру, сопровождаться осложнением жилищных проблем, понижением уровня оплаты труда (иммигранты готовы работать за низкую зарплату). Кроме того, в районах массового проживания иностранцев нередко ухудшается криминогенная обстановка.

Миграция населения является важнейшим механизмом урбанизации. Это социально-экономический процесс, выражающийся в росте городов, городского населения и распространения городского образа жизни на все общество.

Перераспределение населения между селом и городом, концентрация людей в городах, прежде всего, крупных, реализуется посредством миграций населения. Последствия миграции сельского населения имеют как позитивные, так и негативные стороны. К положительной стороне можно отнести более полное использование социального и трудового потенциала населения, рост эффективности труда, повышение социального статуса, политическое и духовное развитие, развитие научно-технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства.

Отрицательная сторона миграции населения проявляется при перемещении не только внутри страны, но и между отдельными странами. Перемещаются промышленные центры. В результате возникают районы бедствий и районы процветания, что неизбежно сказывается на судьбах людей, т.к. меняются структура занятости населения, профессиональный и квалификационный уровень работников, условия труда, жизни. В одних регионах люди остаются без работы, в других ñ ощущается острая нехватка рабочей силы. К тому же болезненное восприятие подобных изменений подпитывается угрозой нарастания экологического перенапряжения отдельных территорий.

В последнее время заметно увеличивается нелегальная трудовая миграция. Нелегальная миграция оказывает значительное воздействие на развитые общества. Причем характер этого воздействия также неоднозначен.

Прием иммигрантов, даже нелегальных, приносит немалую выгоду экономикам развитых стран. По оценкам Национальной академии наук США, иммиграция дает стране чистую прибыль в 10 млрд долл. в год. Восполняя нехватку рабочей силы, особенно в периоды демографических спадов и усиления структурных диспропорций на

рынке труда, выступая производителями и потребителями национальной продукции, иммигранты в какой-то мере способствуют решению экономических задач, стоящих перед принимающими обществами. Применение дешевого низко-квалифицированного труда нелегальных иммигрантов стало важным фактором функционирования ряда отраслей, таких, как сельское хозяйство, добывающая промышленность, строительство. Предпринимательская деятельность иммигрантов – так называемый этнический бизнес, даже «черный» и «серый» – вносит вклад в расширение производства и создание рабочих мест. Однако применение труда нелегальных иммигрантов негативно влияет на модернизацию и конкурентоспособность отраслей, в которых он широко используется.

Не менее противоречивый характер имеют и социально-экономические последствия нелегальной иммиграции. С одной стороны, нелегальные иммигранты, готовые работать на любых условиях, подрывают социальные гарантии, завоеванные местными тружениками (минимальный уровень заработной платы, максимальная продолжительность рабочего дня и др.), с другой стороны, иммигранты (за исключением высококвалифицированных специалистов) не способствуют дополнительной безработице среди коренного населения. Напротив, с учетом их вклада в развитие экономики они, возможно, сохраняют и создают больше рабочих мест, чем занимают. Кроме того, заполняя вакансии на непрестижных, тяжелых и монотонных работах, не пользующихся спросом у местных жителей (прежде всего в строительстве и сфере услуг), нелегалы объективно содействуют улучшению социально-статусной структуры занятости национальных кадров[98].

В то же время нелегальная иммиграция отнимает у развитых стран значительные финансовые средства. Нелегальные иммигранты обладают доступом к государственной системе некоторых социальных услуг, причем даже тогда, когда это не закреплено официально. (В Японии нелегальные рабочие могут рассчитывать на компенсацию при несчастных случаях, хотя формально медицинские услуги не должны предоставляться таким иммигрантам.). Для детей нелегальных иммигрантов, родившихся в США (и соответственно являющихся гражданами этой страны), даже предусмотрены специальные посо-

[98] Верещагина Т.А., Коростелева Е.С. Миграция как фактор социально-экономического развития территории // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 8. № 1. С. 46-50.

бия, выдаваемые малоимущим семьям, продовольственные талоны, бесплатные медицинская помощь и школьное образование.

Нелегальные иммигранты из развивающихся стран, не прошедшие необходимого медицинского осмотра, могут представлять опасность санитарно-эпидемиологической ситуации в стране их иммиграции. Незаконная иммиграция неотделима от преступности. Криминогенный характер нелегальной иммиграции серьезно затрагивает и сферу национальной безопасности. Как отмечалось на конференции по проблемам международной миграции населения (Рабат, 1993 г.), «массовые стихийные перемещения могут угрожать безопасности не только стран приема и исхода… но даже субрегионов и целых регионов. Рост нелегальных перемещений и контрабанда людей, рассматриваемая преступными синдикатами как новый перспективный мировой рынок, ведут к расширению международной преступной деятельности». Нелегальная иммиграция тесно связана с контрабандой наркотиков и оружия, с организованной преступностью и терроризмом.

Нелегальная иммиграция оказывает дестабилизирующее воздействие и на межэтнические отношения. Представленная в основном людьми малообразованными и низкоквалифицированными, сопровождающаяся многочисленными негативными явлениями она дискредитирует образ мигранта в развитом обществе. В результате нынешняя нелегальная миграция способствует распространению расизма и обострению социально-политических конфликтов. Нелегальная иммиграция препятствует выравниванию условий для рыночной конкуренции. Ни для кого не секрет, что нелегалы работают на теневой сектор. В связи с этим увеличиваются потери для бюджета из-за недополучения платы за использование иностранной рабочей силы, уклонения от уплаты налогов и отчислений на социальное страхование.

Таким образом, внешняя миграция населения может оказывать значительное воздействие на социально-экономическое развитие любой территории. Причем это влияние носит как позитивный, так и негативный характер. Учет этого обстоятельства очень важен при регулировании миграционных процессов, что позволяет определить оптимальную политику в этой области.

8. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НА УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

Миграционные процессы, происходящие в современном мире, являются непосредственным отражением особенностей современного этапа социально-политического и экономического развития страны и ее регионов. В этих условиях важной проблемой становится оценка миграционного потенциала, включая его виктимизирующую составляющую, и разработка на этой основе криминологически обоснованных целевых комплексных программ управления миграционными процессами. Опыт Российской Федерации и зарубежных государств свидетельствует о том, что усиление миграции является одним из основных факторов криминализации и виктимизации как социума в целом, так и отдельных социальных групп.

Очевидно, что миграция составляет потребность человека и по своей мотивации представляет собой нормальное, естественное явление. В сознании человека потребность в миграции формируется под влиянием такого противоречия, которое проявляется в соотношении реальной и желаемой ситуации. Начальным импульсом к миграции может служить желание улучшить сложившуюся жизненную ситуацию. Под причинами миграции следует понимать сочетание объективных и субъективных условий, взаимосвязь и взаимодействие которых непосредственно вызывают перемещение населения и рабочей силы. Знание причин помогает ориентироваться в миграционных процессах, наблюдать за ними, оценивать критические ситуации, вызванные спонтанной миграцией.

Эксперты ООН выделяют пять категорий мигрантов: 1) иностранцы, допущенные в страну въезда для получения образования и обучения; 2) мигранты, въезжающие на работу; 3) мигранты, въезжающие по линии объединения семей, создания новых семей; 4) мигранты, въезжающие на постоянное поселение; 5) иностранцы, допущенные в страну въезда из гуманитарных соображений (беженцы, лица, ищущие убежища, и т. д.). Очевидно, что наиболее социально незащищенными, а потому виктимными, оказываются мигранты, относящиеся к последней категории. Однако основным фактором виктимизации переселенцев является нелегальность миграции. Основные миграционные потоки определяются тем, что население движется из менее развитых стран с низким уровнем жизни в более развитые и благополучные. Главные направления движения населения поэтому связаны с

перемещением с юга на север и с востока на запад. Повышение интенсивности различных видов миграции – экономической, этнической, трудовой – характерная черта глобализации, а доля мигрантов в постоянном населении стран отражает степень глобализации.

Помимо чисто экономических миграция выполняет и социальные функции, в качестве которых выделяются следующие: свободный выбор индивидуумом сферы деятельности в соответствии со способностями и склонностями, удовлетворение личных потребностей за счет изменения комплекса жизнеобеспечения, изменение социального статуса работника и возможность наиболее полной реализации его личностного потенциала. Наряду с этим процессы миграции ставят новые проблемы, связанные с криминализацией и виктимизацией населения, в странах, куда прибывают мигранты. Это прежде всего то, что, хотя большинство мигрантов стремятся к переселению вследствие экономических причин, среди приезжающих под видом беженцев немало людей с откровенно уголовным прошлым.

Особенно криминогенной является нелегальная миграция, которую в ее современных формах и масштабах многие исследователи напрямую связывают с последствиями глобализации, считая размах нелегальной миграции имманентной чертой современного этапа развития общества. Попав в новую страну, мигранты стараются затеряться в этнических диаспорах для того, чтобы найти работу и укрыться от властей. Главной причиной для беспокойства являются признаки связи между нелегальной миграцией и наркоторговлей, террористическими или политическими экстремистскими организациями и прочими организованными преступными группами. Организованная преступность стремится активно использовать в криминальных целях фактор миграции населения и связанное с этим разрастание этнических криминальных сообществ, «жестко коррелирующих с иммиграционными моделями». Прежде всего социальной группой с повышенной степенью виктимности являются сами мигранты, в первую очередь – незаконные. Стоит начать уже с того, что эти люди с самого начала оказываются в полной зависимости от транснациональной организованной преступности, сетевые элементы которой специализируются на данном виде «бизнеса». Мигранты являются лицами с повышенной степенью виктимности также из-за сложностей интеграции в культурное пространство страны пребывания. Само по себе наличие на одной территории представителей различных национальностей создает конфликты культур, ослабляет возможности социаль-

ного контроля над преступностью и увеличивает ее уровень в обществе. В большинстве своем жертвы-мигранты не признавали наличия провоцирующих действий в криминальной ситуации, хотя настойчиво утверждали (часто совсем необоснованно), что их «инаковость» привлекает к ним преступника, делает их уязвимыми. На основании этих исследований криминологи рекомендуют в рамках виктимологической профилактики преступности включать в состав программ по социальной адаптации мигрантов материалы, освещающие особенности менталитета и норм поведения коренного населения; описывающие возможные ситуации, являющиеся потенциально конфликтогенными; сообщающие о криминогенных районах мегаполисов. Известно, что миграция в России имеет глубокие исторические корни[99].

Начиная с эпохи Великого переселения народов не прекращался процесс заселения и колонизации славянами восточных земель вплоть до Тихого океана. Миграционные процессы XX в. определялись государственной политикой, направленной на интенсивное военно-промышленное развитие страны, модернизацию и индустриализацию советских республик, в результате чего значительная часть русскоязычного населения оказалась за пределами Российской Федерации: около 25 млн. русских, то есть 17,4 % общей численности в пределах бывшего СССР. К моменту распада СССР в 10 из 15 бывших союзных республик представители некоренных национальностей составили свыше 1/4 населения, а в двух республиках – Казахстане и Киргизии – даже более половины населения.

Наиболее значительная угроза криминологического, а в перспективе и геополитического характера связана с миграцией населения из сопредельного Китая. Население современного Китая в 8 раз превышает население России, в дальнейшем этот разрыв будет продолжать расти. Поэтому проблема предотвращения развития китайской экспансии в северном направлении и противодействия связанным с нею угрозам криминализации и виктимизации населения восточных регионов России является, наверное, основной для миграционной политики государства как в настоящее время, так и в обозримом будущем. Внутренние миграционные потоки, варьируя направление, этническую окраску, причинные факторы, на протяжении длительного периода остаются в России масштабным социальным явлением. Феномен миграции так или иначе сказывается на судьбах сотен тысяч людей, при-

[99] Гамаюнова В.П. Влияние социальной миграции на криминогенную виктимизацию населения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 74-76.

влекая к себе пристальное внимание политиков, представителей средств массовой информации, региональных и федеральных государственных структур, непосредственно влияет на законотворческую и политическую деятельность на разных уровнях власти. В подобных условиях уровень общей безопасности российского государства снижается до критической отметки, а уровень виктимности его населения растет, так как Россия «страдает от общей проблемы неплотных границ, которые пропускают внутрь или наружу страны беспрецедентные объемы информации, мигрантов, террористов, денег, наркотиков и других якобы контролируемых веществ»[100].

Влияние миграции на преступность непосредственно смыкается с проблемой социальной адаптации к городской среде. Адаптация мигрантов в крупных, прежде всего столичных, городах осложняется их социально-культурным уровнем. Среди приезжих преобладают в основном социальные группы с низким уровнем образования и потребительской ориентацией. Зачастую их социальные притязания не подкрепляются трудовыми усилиями, а обеспечиваются противоправным путем. Этому способствовали сложившиеся городские условия. Мигранты в основном закрепляются за непрестижными среди жителей городов профессиями. Этническая принадлежность значительной части участников организованной преступности ведет к резкому усилению виктимности представителей соответствующих этносов, которые становятся объектами мести, неоправданного насилия со стороны представителей правоохранительных органов, других противоправных действий, притом что у значительной части населения снижается уровень негативного отношения к преступлениям против иностранцев. В общественном мнении формируется негативный образ мигранта, распространяются идеи ксенофобии, находящие активную поддержку у представителей различных политических течений националистической, а нередко и откровенно фашистской направленности[101].

Нам представляется вполне оправданным вывод о том, что причины преобладания в преступных группировках выходцев из указанных регионов следует прежде всего искать не в их национальных особенностях, а в комплексе социальных причин преступности, ее мотивации и особенностях развития преступных организаций в той или иной стране. В дополнение к этому было бы целесообразным

---

[100] Руссо А. Нетрадиционные угрозы безопасности России и Евразии. М., 1999. С. 5.

[101] Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007.

изучить влияние на выявленные особенности меняющейся национальной структуры населения республик, «выталкивающих» мигрантов в Россию и другие страны. Формирование в большей или меньшей степени этнически однородного населения в этих республиках влияет на национальный состав маятниковых мигрантов и тех из них, кто совершает преступления в России. В целом материалы российских и зарубежных исследований позволяют сделать вывод о тесной взаимосвязи процессов криминализации и виктимизации мигрантов. При этом движение от криминализации к виктимизации опосредствуется социальной средой обитания мигрантов, в которой формируется негативная установка общественного мнения, сопровождающаяся соответствующими деформациями правосознания.

9. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ

Миграционные процессы, начиная с двадцатых годов прошлого века, обрели поистине глобальные масштабы, охватив практически все страны, социальные слои и сферы общественной жизнедеятельности. Если рассматривать различные виды миграционных процессов с точки зрения правовой проработанности механизма их регулирования как в международном праве, так и во внутригосударственных правовых системах, то наиболее обширной юридической базой располагает, несомненно, миграция вынужденная. Беженцы и внутриперемещенные лица (в российском законодательстве – «вынужденные переселенцы») как наиболее социально обездоленная категория мигрантов требуют от мирового сообщества, от принимающих их государств не только политической ответственности и бóльших финансовых затрат, но и тщательно проработанной правовой базы, способной их защитить и помочь в обустройстве на новом месте жительства.

Основой международной защиты беженцев стали Конвенция ООН «О правовом статусе беженцев» 1951 года и Протокол, касающийся статуса беженцев (Нью-Йорк, 31 января 1967 года), подписанные более чем 130 государствами и воспринятые в основных своих положениях законодательствами большинства стран мира. Общепризнанными причинами вынужденной миграции, в соответствии с Конвенцией, считаются преследования по расовому признаку, вероисповеданию, гражданству, национальности, принадлежности к опреде-

ленной социальной группе или по политическим убеждениям. С недавних пор в этот список стали добавлять миграцию по причине ухудшения экологической обстановки либо вследствие экологических катастроф, так называемую экологическую миграцию.

Экологическая миграция пока недостаточно исследована как в России, так и в мире. В то же время, если посмотреть статистику XX–XXI веков, можно увидеть, что число крупных, приводящих к человеческим жертвам техногенных катастроф, наносящих значительный ущерб окружающей среде и вызывающих резкое ухудшение экологической обстановки, растет. К сожалению, это неизбежное следствие научно-технического прогресса и интенсификации производства, плата за рост численности населения, связанный, в том числе, с более плотным проживанием населения возле промышленных объектов. За последние полвека в мире произошло несколько десятков крупных аварий, резко изменивших представления людей об окружающем их мире. В числе крупнейших – три промышленные аварии с числом погибших более 1000 человек. Это произошедшая в ночь со 2 на 3 декабря 1984 года техногенная катастрофа в индийском городе Бхопал. Тогда на предприятии по производству пестицидов произошел выброс около 40 тонн высокотоксичного газа метилизоцианата. По официальным данным, в результате прямого воздействия газа погибло более 500 человек, приблизительно 6000 получили серьезное химическое поражение, 2000 из них умерли в течение следующих нескольких недель. Около 100 тысяч человек нуждались в различных формах лечения. Сотни тысяч жителей в панике покинули свои места жительства. Даже сегодня около 20 тысяч человек, продолжающих жить в окрестностях этого предприятия, подвергаются токсическому воздействию от загрязненных почв и грунтовых вод[102].

В число масштабных промышленных аварий входят те, которые случаются из-за утечки токсичных газов и взрывов на газопроводах. А вот такая печально известная техногенная катастрофа, как авария на Чернобыльской АЭС, будучи, безусловно, крупной, не стала уникальной и не вошла в десятку самых масштабных техногенных катастроф XX века[103]. Опасность подобных происшествий заключается в том, что кроме людей, погибших сразу и в течение нескольких суток после таких аварий, необходимо учитывать последствия, которые мо-

[102] Митюнин А. Хиросима химической индустрии // Гражданская защита. 2005. № 2-3.
[103] Окунев, А. Авария на ЧАЭС занимает 11-е место в числе техногенных катастроф XX века // Атомная стратегия. 2006. № 22.

гут иметь долговременный характер, причем не только в экологическом, но и в социально-психологическом плане, вызывая в обществе усиление социальной напряженности.

В соответствии с наиболее общепризнанным определением социальная напряженность «…представляет собой эмоциональное состояние группы или общества в целом, вызванное давлением природной или социальной среды…»[104]. Для того чтобы она не вызвала в обществе, пережившем экологическую катастрофу, беспорядки и не переросла в открытый конфликт с представителями власти, политическое руководство страны должно выстроить такую стратегию поведения, которая позволит снять или, по крайней мере, смягчить конфликтную ситуацию. Одним из ее составляющих может стать организованное государством переселение жителей из экологически неблагоприятных районов – экологическая миграция.

При крупной природной или техногенной катастрофе, вызвавшей резкое ухудшение состояния окружающей среды и делающей невозможным пребывание людей в районе экологического катаклизма, государственные органы призваны организовывать или санкционировать насильственное переселение жителей из зоны катастрофы, то есть разрешить их своего рода принудительную экологическую миграцию. Классический пример тому – эвакуация жителей из зон особо опасного заражения после аварии на Чернобыльской АЭС. Однако радиационному заражению тогда подверглись почти вся территория Белоруссии, значительная часть Украины и России. Показательно, что, когда информация о радиоактивном заражении и о направлении движения радиационного облака прошла по многим странам Запад ной Европы, там были введены те или иные санитарные ограничения. Все это вызывало нарастание стрессовых ожиданий, истерию страха и неуверенности. В типологии конфликтных ситуаций такое поведение людей именуется конфликтом «неуправляемых эмоций», возникающим как молниеносная негативная реакция какой-либо общности на события, затрагивающие ее права и интересы.

Аналогичная картина наблюдалась в Бхопале; в Саланг Пассе (Афганистан, 1982 год), когда утечка токсичного газа нанесла ущерб здоровью нескольких тысяч человек; в Колумбии в 1956 году, когда взрыв боеприпасов унес жизни 1,2 тысячи человек и т. д.

---

[104] Дмитриев А.В. Конфликтология: учебное пособие. М.: Гардарики, 2003. С. 105.

Правда, ухудшение экологической обстановки возможно в отдельном регионе и без природной или техногенной катастрофы. Неразумная природоустроительная деятельность человека ведет, зачастую, к не менее плачевным результатам. Гибель Аральского моря – наиболее известный пример нерационального природопользования. Море занимало по своей площади (66 тыс. кв. км) четвертое место в мире и имело объем воды более 1000 куб. км. В 60е годы XX века плановые органы бывшего СССР отвели Средней Азии роль поставщика хлопка-сырца. Для этого понадобилось развивать орошение, и Аральское море вместе с впадающими в него реками казалось неограниченным источником воды. В результате был нарушен водный баланс бассейна. Заболачивание и вторичное засоление распространились на 40 процентов орошаемых земель. А чрезмерное применение пестицидов и химических удобрений привело к загрязнению поверхностных и подземных вод. Дельтовые экосистемы практически исчезли. В 1990 году более 95 % заболоченных и переувлажненных земель превратились в песчаные пустыни, а более 50 дельтовых озер, занимавших 60 тыс. га, высохли. Площадь зеркала Аральского моря сократилась наполовину, а его объем – на три четверти. Минерализация воды возросла в четыре раза, сделав невозможным выживание большинства видов рыб и диких животных. Бывшие прибрежные деревни и города оказались удаленными от береговой линии на 70 километров. В Приаралье резко возросли детская смертность (75 на 1000 новорожденных) и уровень материнской смертности (около 120 человек на 10 тыс. родов). Увеличилось количество таких болезней, как туберкулёз, инфекционные и паразитические – тиф, гепатит, психосоматические заболевания и т. д.[105].

Все эти факторы, конечно же, воздействуют на рост социальной напряженности в районе этого постепенно разрастающегося экологического бедствия. Но эта напряженность иного рода, чем при одномоментной техногенной или природной катастрофе. Здесь приходится говорить о классическом нарастании глобальной напряженности в обществе как неразрешаемой длительное время ситуации, возникшей в результате расхождения между потребностями, социальными ожиданиями общества и мерой их фактического удовлетворения, между конституционным правом на благоприятную окружающую среду и постепенно усиливающимся экологическим катаклизмом. Одним из

[105] Technical Cooperation Center for Europe and Central Asia (International Organization for Migration). CIS Migration Report. 1996. Geneva, 1997. P. 37-38.

механизмов, способных предотвратить нарастающую социальную напряженность, может стать организованная экологическая миграция.

В соответствии с классической концепцией рассмотрения миграционных процессов, так называемой теорией «толчка притяжения», причины миграции формируются при определенной комбинации факторов толчка (побуждающих людей оставлять места своего постоянного проживания, происхождения) и факторов притяжения (являющихся для них привлекательными в других регионах)[106]. В случае экологической миграции первый фактор выступает превалирующим. Так, при техногенной или природной катастрофе среди жителей окрестных районов развиваются (особенно в отсутствие полноценной, объективной и авторитетной информации) панические настроения. И единственным решением проблемы для многих из них становится миграция из опасных районов, хотя такие опасения могут быть и субъективно ошибочными. Информация об аварии на Чернобыльской АЭС воздействовала более чем на 100 млн. человек. В то же время у 99,9 % добровольно мигрировавших людей реальный вред от радиации в местах их проживания отсутствовал[107]. (Заметим, что возникновение процесса неконтролируемой миграции порождает в целом ряде случаев эскалацию социальной напряженности в местах массового прибытия мигрантов.) Наиболее эффективно содействуют снятию социальной напряженности среди населения в местах экологического бедствия такие меры (мероприятия), как: 1) предоставление правдивой информации о действительном положении дел, что пресекает распространение панических слухов; 2) оказание со стороны государственных органов бы строго и полноценного содействия лицам, желающим покинуть районы экологического катаклизма, и помощи им в обустройстве на новом месте жительства. Выполнение второй задачи невозможно без создания соответствующей законодательной базы по регулированию экологической миграции. К сожалению, несмотря на очевидную ее актуальность и значимость, законодательных актов, регулирующих экологическую миграцию, нет ни в международном праве, ни в российском законодательстве. И проблемы, связанные с этими процессами, остаются все еще нерешенными[108].

---

[106] Юдина Т.Н. Социология миграции: учебное пособие для вузов. М.: Академический проспект, 2006. С. 120.

[107] Моисеенко В.М. Экологические мигранты? О миграции населения в зоне аварии на Чернобыльской АЭС. // Миграция. 1997. № 4. С. 5-8.

[108] Евтушенко В.И. Экологическая миграция как механизм снижения социальной напряженности // Труд и социальные отношения. 2009. № 3. С. 54-58.

В существующей классификации миграционных процессов термин «экологическая миграция» в российской науке и научном обор те отсутствует[109]. Эта очень важная для современного мира категория упоминается в международных документах вскользь, и четкого определения понятию «экологический мигрант» в них не дано. В упоминавшейся выше Конвенции ООН 1951 года содержатся лишь словосочетания: «экологический мигрант», «экологический беженец» без их раскрытия. Таким образом, существует насущная научная и практическая потребность серьезного изучения миграции по экологическим причинам, а также правового статуса людей, которые становятся экологическими мигрантами из зон стихийных бедствий. Разрешение данных вопросов позволит объективно оценить состояние и структуру экологической миграции, выявить основные направления в совершенствовании практики правового регулирования. Первым шагом по законодательному регулированию процессов экологической миграции может стать внесение соответствующих изменений в Федеральный закон Российской Федерации «О вынужденных переселенцах», которые распространят его действие на экологических мигрантов – жертв экологических катаклизмов.

10. НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Нелегальная миграция как сложное явление оказывает воздействие на различные составляющие общественной жизни. В данном разделе условно разделим проблемы, напрямую или косвенно связанные с нелегальной миграцией, на социальные и экономические, тогда как в большинстве исследований они рассматриваются комплексно, поскольку находятся в тесной зависимости и в равной степени подчинены процессам, происходящим в обществе, оказывая на него заметное влияние. Мы разделили социально-экономические проблемы на условные составляющие с целью конкретизации и более точечного и детального изучения каждой из проблем, выделив проблемы социального и экономического толка. К социальным проблемам, связанным с нелегальной миграцией, мы отнесли криминализацию общества, нарушение прав человека, межнациональные конфликты и ксе-

[109] Булешева Д.Д. Экологическая миграция сегодня: проблемы и возможные решения // Управление персоналом. 2007. № 15.

нофобию, размывание национальной культуры, санитарно-эпидемиологические проблемы. К экономическим проблемам, связанным с нелегальной миграцией, мы отнесли теневую занятость, укрывательство доходов, развитие коррупции в структурах власти, погрешности экономических показателей при планировании.

Миграция – это один из рычагов стабильного экономического ра вития России, где, по прогнозам Росстата, доля трудоспособного населения к 2020 году сократится с 63 до 55 %. При этом форма сосуществования коренного населения и мигрантов должна быть откорректирована с учетом потребностей государства и влияния миграции на конкретные социально-экономические составляющие. Если принимать во внимание мнение отдельных экспертов, что нелегальная миграция может быть благом с той точки зрения, что работодатели не соблюдают условия труда и берут на себя меньшее бремя ответственности, то при этом мы имеем дело с нарушением международного права на государственном уровне. Подобная возможность может нести определенную выгоду для экономики, однако при этом будут страдать другие общественные сферы и имидж государства в целом. Неоднозначная экспертная оценка дает основания для более детального изучения доли влияния нелегальной миграции на конкретные проблемы социально-экономического характера.

Миграция способна оказать влияние на различные сферы государства, в том числе и на экономическую безопасность. Экономическая безопасность страны является одной из важнейших составляющих общенациональной безопасности. Низкий уровень защищенности экономики делает страну уязвимой с политической, правовой, военной точки зрения. Неспособность государства защитить интересы экономики ведет в конечном итоге к политической недееспособности страны. Под термином «экономическая безопасность» мы понимаем состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень социального политического и оборонного существования и прогрессивного развития Российской Федерации, неуязвимость и независимость ее экономических интересов по отношению к возможным и внутренним угрозам и взаимодействиям. Миграция как явление социально-экономического характера оказывает непосредственное влияние на экономическую безопасность. При этом уровень экономической безопасности, ощущающий на себе влияние миграционных процессов, зависит от характера конкретного миграционного потока. Если рассматривать экономическую безопасность на национальном уровне, то

по совокупности параметров наибольшую угрозу представляет именно нелегальная миграция. При этом с точки зрения влияния нелегальной миграции на экономическую безопасность существуют две группы угроз: преднамеренные угрозы – целенаправленная нелегальная трудовая занятость мигрантов; непреднамеренные угрозы – эффект их деятельности и социальных структур, приводящий к социально опасным деяниям мигрантов[110].

Развитие нелегальной формы миграции способствует усилению коррумпированности в государственных органах власти, сопряженных с миграционным контролем, деформирует существующий рынок труда, влияет на погрешности экономического планирования и прогнозирования, а также формирует благоприятную почву для развития теневой экономики.

Сегодня миграция оказывает существенное влияние на трансформацию рынка труда. В российской экономике складываются конкретные сферы приложения мигрантского труда, происходит деформация рынка труда под влиянием миграционных процессов, снижается стоимость рабочей силы и спрос на качественные продукты труда. 40–50 % рабочих мест, которые заняты мигрантами сегодня, уже стали мигрантскими, то есть «зарезервированными» под них[111].

Сегодня к мигрантским сферам занятости относятся строительство, сфера услуг, торговля, сельское хозяйство – с поправкой, что существенная доля нелегальных мигрантов заняты в криминальных структурах. Развитая структура неформальной занятости провоцирует понижающее влияние мигрантов на уровень оплаты труда в отраслях их преимущественной занятости, поскольку оплата труда нелегальных мигрантов зачастую в несколько раз ниже уровня оплаты труда работников данной сферы и специализации.

Помимо деформации рынка труда, влияние нелегальной миграции на экономику принимающего государства проявляется в потерях от развития каналов теневой экономики, недополучения в бюджет налоговых отчислений.

Данные Центрального банка свидетельствуют о неуклонном и существенном росте личных денежных переводов из России в страны

---

[110] Отчет по итогам деятельности ФМС в 2010 году, по данным ведомственной статистической отчетности (форма 1-РД) и Центрального банка данных по учету иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих или постоянно проживающих в Российской Федерации. М., 2010. С. 72.

[111] Проблема незаконной миграции в России. Реалии и поиск решений. М.: Гендальф, 2004. С. 179.

СНГ – если в 2003 г. их уровень составлял 1,3 млрд. долларов США, то в 2010 году объем денежных трансграничных переводов в страны СНГ превысил 15 млрд. долларов США, суммарный объем личных трансграничных переводов составил более 19 млрд. долларов[112]. За счет денежных переводов из России многие страны СНГ подпитывают свои экономики. Так, по данным Всемирного банка, денежные переводы мигрантов составляют 45 % ВВП Таджикистана и 38 % ВВП Молдавии. При этом согласно данным ООН, более 40 % от мирового объема переводов мигрантов осуществляется по неофициальным каналам.

Масштабные потери государственного бюджета приходятся на налоги и выплаты, которые нелегальные мигранты и «неформальные» работодатели не выплачивают в силу своего неофициального статуса. Средняя ежемесячная заработная плата, приходящаяся на одного мигранта в России (при условии переработок), составляет порядка 10 тысяч рублей в месяц[113]. Как уже было отмечено выше, не существует однозначной оценки количественной представленности нелегальных мигрантов в России. В данной работе автор принимает в качестве отправной оценки усредненный экспертный показатель в 5 млн. человек. Ставка налога на доход физических лиц, являющихся резидентами иностранного государства, составляет 30 % в первые полгода, потом ставка снижается до 13 %. Таким образом, ежегодные потери бюджета от невыплаты нелегальными мигрантами НДФЛ составляют от 10 до 15 млрд. рублей.

Отдельная статья экономических потерь – это расходы государства на борьбу с нелегальной миграцией. Количество иностранных граждан, выдворенных с территории Российской Федерации, составило за 2010 год 29 199 человек. В соответствии с Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» административное выдворение и депортация иностранного гражданина оплачивается депортируемым. Однако на практике административное выдворение незаконных мигрантов осуществляется зачастую за счет государственных средств – при отсутствии финансовых возможностей у депортируемого.

Еще одна сфера активного присутствия нелегальных мигрантов – это криминальная сфера. Так, в 2010 г. сотрудниками территори-

---

[112] Крамской В.В. Организационно-экономические проблемы нейтрализации неле гальной трудовой миграции : дис. канд. эконом. наук 08.00.05. М., 2006.

[113] Тюрюканова, Е. Дешевый труд – миф или реальность? URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0315/tema05.php

альных органов ФМС России направлено 3 680 материалов, для возбуждения уголовного дела по факту служебного подлога, по факту незаконного пересечения государственной границы РФ, по факту подделки, изготовления или сбыта поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков, По данным статьям возбуждено 2 355 уголовных дел и привлечено 710 лиц к уголовной ответственности. За 2010 год направлено 62 691 представление о закрытии въезда на территорию Российской Федерации иностранным гражданам. Количество иностранных граждан, выдворенных с территории Российской Федерации, составило за 2010 год 29 199 человек. Для сравнения: в 2009 г. количество депортированных иностранных граждан и лиц без гражданства было в 2, 4 раза меньше.

За 2010 год выявлено 246 767 иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно находящихся на территории Российской Федерации[114]. Учитывая, что по оценкам ФМС на 2010 год в России пребывало порядка 4 миллионов нелегальных мигрантов, самим фактом своего пребывания в стране совершающих правонарушение, то общая картина административных правонарушений и уголовных преступлений существенно меняется с учетом нелегальной миграции.

Статистика вовлечения иностранцев в криминальную деятельность, не связанную с процессом миграционного перемещения, варьируется по регионам. Если московская прокуратура обнародует данные о том, что число преступлений, совершенных иностранными гражданами в 2010 году, составило 6,32 % от общего числа преступлений в столице, то по России эта цифра в 2009 году составляет в среднем 3,6 % от общего числа зарегистрированных преступлений, а в 2010 г., по данным МВД России, иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 48 992 преступлений, что составляет всего 3,4 % от общероссийского показателя от числа расследованных преступлений. Однако особенно негативным трендом миграционной преступности является тенденция к увеличению доли преступлений, совершенных мигрантами, пропорционально тяжести преступлений. В 2010 году, по данным ГУВД Москвы, ими было совершено каждое второе изнасилование, каждый четвертый грабеж и каждое шестое покушение на убийство. Нелегальные мигранты, не

[114] Отчет по итогам деятельности ФМС в 2010 году, по данным ведомственной статистической отчетности (форма 1-РД) и Центрального банка данных по учету иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих или постоянно проживающих в Российской Федерации.

имея возможности к адаптации, проживающие сегрегированно, не ощущают себя частью общества, в котором живут. Они не чувствуют в полной мере ответственности за свои деяния, нередко это происходит по причине недостаточной информированности.

Помимо вовлечения иностранных граждан, нелегально пребывающих в России, в традиционные преступления, нелегальная миграция фактом своего существования оказывает прямое влияние на коррумпированность органов государственной власти, сопряженных со сферой миграции. Наличие коррупционных рисков в миграционной службе подтверждается обращениями граждан. В среднем в год в территориальные органы Федеральной миграционной службы поступает в среднем 20 тысяч обращений, свидетельствующих о недобросовестной работе органов власти. Это официальная статистика, которая позволяет предположить, что «на местах» взяточничество имеет место быть в укрупненном масштабе.

Еще одно направление деятельности, напрямую связанное с нелегальной миграцией и коррупцией в органах власти, – это организация фирм, которые готовят поддельные документы для нелегалов, а также занимаются получением официальных разрешений в обход обозначенных законом инстанций.

Другое нелегальное бизнес-поле, тесно связанное с подделкой документов, – это торговля людьми, которая, как и трудовая эксплуатация нелегалов, представляет собой оборотную сторону нелегальной миграции, где мигрант выступает и объектом, и субъектом преступления одновременно, с одной стороны, нелегально оказываясь в стране и занимаясь нелегальной трудовой деятельностью, а с другой стороны, это зачастую происходит против его воли, и в этом случае речь идет о грубом нарушении прав человека.

Помимо вовлеченности в неформальное экономическое поле и влияния на криминальную обстановку, нелегальная миграция способна оказать влияние на санитарно-эпидемиологическое благополучие население и уровень ксенофобских настроений в обществе.

Россия всегда была многонациональной страной; многонациональность, мультикультурность, многоконфессиональность – это исторически сложившиеся факторы её формирования. Такое гармоничное соседство культур и национальностей в одной стране стало возможным благодаря достаточно эффективной национальной политике. Однако в последнее десятилетие наблюдается резкий рост ксенофобских настроений, сопровождаемый последующим ростом

числа межнациональных конфликтов. Под ксенофобией мы понимаем отличительную черту менталитета общества, которая проявляется в негативном отношении к социальным общностям или отдельным людям, воспринимаемым в качестве чужих и поэтому эмоционально неприемлемых, враждебных. Ксенофобия проявляется в таких формах, как мигрантофобия, этнофобия, формирует почву для развития национализма.

Межэтнические конфликты на почве социокультурных различий возникают, как правило, вследствие форсированной, принудительной языковой ассимиляции, разрушения культуры и норм религиозного или цивилизационного свойства. Это делает реальной перспективу дезинтеграции этноса как социокультурной общности, вызывает защитные реакции. При перемещении населения в регионы с отличной этнокультурной, языковой, религиозной средой, что чаще всего происходит при миграции из одной страны в другую, такая ситуация складывается неизбежным образом. При отсутствии политики адаптации мигрантов, государственного содействия интеграции в новую языковую среду, ситуация усугубляется.

Нелегальная миграция оказывает особое влияние на развитие этнофобских настроений. Если судить по общему портрету нелегального мигранта в России, то это лицо, лишенное любых прав, имеющее ограниченные возможности для взаимодействия с коренным населением и культурно-языковой адаптации. Почти половина членов мигрантского сообщества стараются избегать общественных мест. Создаются искусственные условия для сегрегации мигранта. Нарушение миграционного законодательства автоматически лишает мигранта возможности рассчитывать на какую-либо поддержку в вопросах адаптации к новой культурной среде. Это побуждает мигранта искать защиты у национальных этнических сообществ, использовать механизмы этнической солидарности. В России за последние 20 лет сформировались устойчивые национальные диаспоры армян, таджиков, азербайджанцев, китайцев, которые способствуют нелегальной миграции в России по отлаженным каналам и поддерживают своих соотечественников. При активной поддержке диаспоры у мигранта отсутствует необходимость адаптироваться к новой языковой среде, к ее культурным особенностям, в результате чего формируется закрытое сообщество внутри социума, которое априори воспринимается враждебно коренным населением, тем самым создавая благоприятную почву для роста числа конфликтов.

Нелегальная миграция как явление, слабо контролируемое, может послужить катализатором и для нарушения санитарно-гигиенического уклада, принятого в обществе. При осуществлении легальной трудовой деятельности в рамках квоты, выделенной государством, одним из обязательных условий при приеме на работу является прохождение медицинской комиссии. Подобная медицинская практика проверки мигрантов при въезде в страну с целью трудоустройства важна с точки зрения соблюдения санитарно-эпидемиологических норм для обеспечения безопасности трудовой деятельности. При условии, что 20 % трудовых мигрантов, по данным официальной статистики, задействованы в секторе торговли, 18 % трудятся в сельскохозяйственной отрасли, то фактор влияния состояния здоровья трудовых мигрантов на состояние здоровья принимающего населения очевиден. В 2009 году медкомиссии выявили у потенциальных иностранных работников 1,4 тыс. случаев сифилиса, 634 – туберкулеза и 157 – ВИЧ-инфекции. Потенциальный трудовой мигрант, у которого обнаружены вышеуказанные заболевания, не допускается к трудовой деятельности на территории Российской Федерации. В случае, если заболевание обнаружено после начала трудовой деятельности, мигрант подлежит депортации.

Мигрант, въехавший на территорию РФ незаконным образом, не проходит медицинского освидетельствования. Нелегальные мигранты представляют собой особую группу риска. Среди нелегальных мигрантов, живущих в Москве, которых удалось обследовать столичным органам здравоохранения, случаи инфицирования вирусом СПИДа фиксируются в 15 раз чаще, чем у коренных москвичей[115].

Отмечая особенности негативного влияния нелегальной миграции на константы стабильного и развитого общества, мы хотели бы рассмотреть возможные способы нейтрализации негативного влияния миграции на экономическую стабильность общества, то есть способы борьбы с нелегальной миграцией. Проанализировав возможные методы борьбы с нелегальной миграцией с экономической точки зрения, можно свести их к следующей формулировке – для эффективной борьбы с нелегальной миграцией нужно максимально снизить издержки легализации статуса трудовых мигрантов, при этом увеличив издержки их нелегального статуса. Опыт западных стран в сочетании

[115] Динамика трансграничных денежных операций по данным Центробанка России за 2009 год. URL: http://www.cbr.ru/statistics/CrossBorder/

с российскими реалиями показывает, что эффективными могут стать следующие меры по воздействию на нелегальную миграцию.

1. Миграционная амнистия. Миграционная амнистия – это процесс легализации статуса нелегальных мигрантов. В течение определенного периода в стране начинают действовать облегченные условия получения статуса легального трудового мигранта. При подаче заявления нелегал несет минимальные потери и приобретает законные основания для трудовой деятельности. По окончании этого срока происходит ужесточение мер за незаконное пребывание в стране и нелегальную трудовую деятельность. Положительный опыт миграционного амнистирования имеют такие страны, как США, Италия и Испания, которая впервые успешно реализовала эту меру. В 2005 году в некоторых российских городах была предпринята попытка амнистии нелегалов, однако эксперимент не удался в силу его краткосрочности – она длилась 2 недели – и низкой степенью информированности работодателей и мигрантов. В 2008 году Управление Федеральной миграционной службы по городу Москве повторило попытку миграционной амнистии, однако она также не возымела должного результата.

В связи с этим амнистия в условии российских реалий должна носить разовый характер, чтобы не стать явлением постоянным и повсеместным. Она должна объявляться заблаговременно и ее должна предварять PR-кампания, информирующая о возможностях и последующих санкциях. Отсюда вытекает следующая важная мера в борьбе с нелегальной миграцией как явлением[116].

2. Повышение информированности потенциальных и фактических мигрантов об актуальном миграционном законодательстве и возможных последствиях нелегального статуса.

Зачастую потенциальные мигранты не знают о возможных последствиях незаконного пребывания в стране, а те, кто уже нарушили законодательство и осознают это, также зачастую преувеличивают возможные последствия и просто боятся раскрыть свой статус органам власти. Это создает своеобразный замкнутый круг. Повышение информированности населения о мерах законодательного регулирования вопросов миграции, разъяснительные работы в мигрантской

[116] Родионова Н.А. Нелегальная миграция как социально-экономическая проблема российского общества // Челябинский гуманитарий. 2011. Т. 2. № 15. С. 10-16.

среде помогли бы снизить издержки от преследования нелегальных мигрантов.

3. Уравнивание режимов налогообложения иностранных граждан и граждан Российской Федерации.

На сегодняшний день стандартная налоговая ставка на доходы физических лиц, являющихся резидентами Российской Федерации составляет 13 %, тогда как нерезиденты, которые пребывают в стране менее 180 дней, обязаны платить 30 % своего дохода. Стоит оговориться, что дополнительные 17 %, которые они выплачивают, возвратятся в случае пребывания в стране более 180 дней. Однако на практике это работает плохо, поскольку большинство трудовых мигрантов получают регистрацию на 3 месяца и приезжают повторно.

4. Расширение квот на использование труда иностранных граждан.

Квоты на иностранных работников формируются заблаговременно на календарный год с учетом заявлений работодателей. Межведомственной комиссии по вопросам привлечения и использования иностранных работников в 2010 году была выделена квота на 2011 год на Москву в размере 199 954 разрешений на работу. Планируемая доля иностранных граждан в численности занятых в экономике города должна составлять при этом не более 3,1 %. Учитывая, что по экспертным оценкам доля мигрантов в населении Москвы составляет от 10 % до 20 % населения, а отдельные эксперты указывают, что эта цифра приближается к 3 миллионам, то поиск нелегальных источников дохода и занятости становится очевидным решением в такой ситуации.

5. Усиление контроля над работодателями, повышение ответственности за незаконное использование рабочей силы и введение льгот за добросовестное соблюдение законодательства при использовании иностранной рабочей силы.

В 2007 году в Кодекс административных правонарушений были внесены поправки, увеличивающие сумму штрафа в случае незаконного привлечения иностранной рабочей силы без получения соответствующего разрешения. На данный момент сумма штрафа составляет от двух тысяч до пяти тысяч рублей; для должностных лиц – от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч до восьмисот тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток. Однако работодателю часто выгоднее заплатить разовый

штраф, чем потратить 6000 рублей на разрешение на привлечение на работу иностранной рабочей силы и уплатить 3000 рублей за каждого нанимаемого работника. Отметим, что легальная форма занятости работников накладывает на работодателя определенные обязательства по соблюдению Трудового кодекса РФ, тогда как выплата заработной платы в размере меньшей, чем устанавливает ТК, является повсеместной практикой.

Вышеуказанные меры свидетельствуют о существенных пробелах в правовом и политическом институтах управления миграционными процессами и сводятся к совершенствованию законодательно-административной базы. В завершении статьи автору еще раз хотелось бы отметить, что грамотное использование иностранной рабочей силы может стать объективным благом для страны с отрицательным воспроизводством и растущими нуждами, надо только найти ресурсы на управление этим подчас стихийным процессом.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «СОЦИОЛОГИЯ»

Агрегация социальная – некоторое количество людей, собранных в определенном физическом пространстве и не осуществляющих сознательных взаимодействий.

Агрессия – враждебная внутренняя установка или враждебный тип действий индивида или группы по отношению к другому индивиду или группе. Агрессия выражается в поведении, направленном на нанесение вреда или ущерба другому как физически, так и морально.

Аномия – ситуация (по Э. Дюркгейму), когда одна или более личностей не могут интегрироваться со стабильными основными институтами общества, что приводит к отрицанию наиболее значимых норм доминирующей культуры и социальным отклонениям.

Ассимиляция – процесс взаимного культурного проникновения, через который личности и группы приходят к разделяемой всеми участниками процесса общей культуре.

Аутгруппа – группа людей, по отношению к которой индивид не ощущает чувства идентичности или принадлежности. Члены такой группы видятся индивиду как «не мы», или «чужие».

Бюрократия – организация, состоящая из ряда официальных лиц, должности и посты которых образуют иерархию и которые различаются формальными правами и обязанностями, определяющими их действия и ответственность.

Вестернизация (от англ. *Western* – западный) – заимствование англо-американского или западноевропейского образа жизни в области экономики, политики, образования и культуры.

Взаимодействие социальное – система взаимообоусловленных социальных действий, связанных циклической зависимостью, при которой действие одного субъекта является одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов.

Группа вторичная – группа, социальные контакты и отношения между членами которой носят безличный характер. Такие группы направлены, как правило, на достижение общих целей и распадаются при отсутствии таковых.

Группа малая – это группа, в которой общественные отношения выступают в форме непосредственных личных контактов. Группа состоит из небольшого числа индивидов и отличается по многим социально-психологическим характеристикам от групп большого размера.

Группа первичная – группа, в которой происходит первоначальная социализация индивидов и отношения носят интимный, личностный, неформальный характер. Основной целью членов группы является взаимное общение.

Группа референтная – реальная или условная социальная общность, с которой индивид соотносит себя как с эталоном и на нормы, мнения, ценности и оценки которой он ориентируется в своем поведении и самооценке.

Группа социальная – совокупность индивидов, взаимодействующих определенным образом на основе разделяемых ожиданий каждого члена группы в отношении других.

Движение социальное – совокупность коллективных действий, направленных на поддержку социальных изменений или поддержку сопротивления социальным изменениям в обществе или социальной группе.

Действие социальное – действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или к терпеливому принятию), которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действиями других людей или ориентируется на них.

Депривация – (лат. *Deprivatio* – потеря, лишение) – психическое состояние, вызванное лишением самых необходимых жизненных потребностей (таких как сон, пища, жилище, общение ребёнка с матерью, и т. д.) или вызванное лишением благ, к которым человек был привычен очень долгое время.

Изменение социальное – процесс появления новых черт и элементов в социальных структурах и в системах социальных взаимоотношений.

Изоляция социальная – социальное явление, при котором происходит отстранение индивида или социальной группы от других индивидов или социальных групп в результате прекращения или резкого сокращения социальных контактов и взаимодействий.

Ингруппа – группа или социальная категория, по отношению к которой индивид испытывает чувство идентичности и принадлежности. Индивид видит членов этой группы, как «мы».

Институт социальный – организованная система связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества.

Институционализация – процесс определения и закрепления социальных норм, правил, статусов и ролей, приведение их в систему,

способную действовать в направлении удовлетворения некоторой общественной потребности.

Квазигруппа – появляющаяся непреднамеренно социальная группа, в которой отсутствуют устойчивые ожидания, а взаимодействия между членами, как правило, односторонний. Отличается спонтанностью возникновения и неустойчивостью.

Конкуренция – попытка достижения вознаграждения путем отстранения или опережения соперников, стремящихся к идентичным целям.

Контакт социальный – тип кратковременных, легко прерываемых социальных связей, вызываемых соприкосновением людей в физическом и социальном пространствах. В процессе контактов осуществляется взаимное оценивание индивидами друг друга, селекция и переход к более сложным и устойчивым социальным взаимосвязям.

Контркультура – совокупность принятых в группе культурных образцов, которые противоположны образцам доминирующей культуры и бросают ей вызов.

Контроль социальный – совокупность средств, с помощью которых общество или социальная группа гарантирует конформное поведение его членов по отношению к ролевым требованиям и ожиданиям.

Конфликт ролевой – конфликт, связанный с выполнением индивидом одной или нескольких социальных ролей, которые заключают в себе несовместимость, конфликтующие обязанности и требования.

Конфликт социальный – попытка достижения вознаграждения путем подчинения, навязывания своей воли, удаления или даже уничтожения противника, стремящегося достичь того же вознаграждения. От конкуренции конфликт отличается четкой направленностью, наличием инцидентов, жестким ведением борьбы.

Конформизм – поведение, контролируемое посредством группового давления. Группа с помощью вводимых ею норм поведения заставляет индивида следовать им для поддержания интеграции членов группы.

Кооперация – процесс, в ходе которого представители одной или нескольких социальных групп действуют совместно и скоординированно ради достижения единой цели. Основой кооперации является взаимная выгода.

Культура доминирующая – совокупность культурных образцов, которые принимаются и разделяются всеми членами общества.

Культура нормативная – совокупность культурных образцов, которые указывают на стандарты правильного поведения, разрешают, предписывают или запрещают определенные социальные действия.

Личность – целостность социальных свойств человека, продукт общественного развития и включения индивида в систему социальных отношений посредством активной деятельности и общений.

Личность маргинальная – индивид, занимающий промежуточное положение на границе между двумя или более культурами, частично ассимилированный в каждую, но полностью - ни в одну из них.

Личность модальная – человек, разделяющий те же культурные образцы, что и большинство членов общества.

Миграция – процесс изменения постоянного места проживания индивидов или социальных групп, выражающийся в перемещении в другой регион, географический район или страну.

Мобильность социальная – любой переход индивида, или социального объекта, или ценности, созданной или модифицированной благодаря человеческой деятельности, от одной социальной позиции к другой.

Общность социальная – реальное объединение людей, объективно заданное способом их устойчивой взаимосвязи, при котором они выступают (проявляют себя) как коллективный субъект социального действия.

Организация – социальная группа, ориентированная на достижение взаимосвязанных специфических целей и на формирование высокоформализованных структур.

Разделение ролей – один из неосознанных способов, используемых личностью для снижения ролевой напряженности путем временного изъятия из жизни одной из ролей, выключения ее из сознания, но с сохранением реагирования на систему ролевых требований, присущих данной роли.

Рационализация ролей – один из неосознанных способов защиты против болезненного восприятия личностью ситуации с помощью понятий, которые для нее социально и персонально желательны.

Релятивизм культурный – подход к другим культурам, согласно которому члены одной социальной группы не могут понять мотивов и ценностей других групп, если они анализируют эти мотивы и ценности в свете собственной культуры.

Роль социальная – поведение, ожидаемое от того, кто имеет определенный социальный статус. Ограничивается совокупностью прав и обязанностей, соответствующих этому статусу.

Семья – группа связанных отношениями брака или родства людей, которая обеспечивает воспитание детей и удовлетворяет другие общественно значимые потребности.

Социализация – процесс, посредством которого индивидом усваиваются нормы его группы таким образом, что через формирование собственного «Я» проявляется уникальность данного индивида как личности.

Статус достигаемый – социальная позиция, которая занимается индивидом и закрепляется через его индивидуальный выбор, собственные усилия и конкуренцию с другими индивидами.

Статус предписанный – социальная позиция, которая заранее предписана индивиду обществом или группой независимо от его способностей и усилий.

Статус социальный – ранг или позиция индивида в группе или группы во взаимоотношениях с другими группами.

Структура социальная – внутреннее устройство общества или социальной группы, состоящее из определенным образом расположенных, упорядоченных частей, взаимодействующих между собой в определенных рамках.

Субкультура – совокупность культурных образцов, тесно связанных с доминирующей культурой и в то же время отличающихся от нее.

Толпа – временное собрание людей, объединенных в ограниченном физическом пространстве общностью интересов.

Этноцентризм – взгляд на общество, при котором определенная группа считается центральной, а все другие группы соизмеряются и соотносятся с ней.

КРАТКИЙ СПРАВОЧНИК ПО ПЕРСОНАЛИЯМ И НАУЧНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ СОЦИОЛОГИИ

Персоналии

Бакунин М.А. (1814 – 1876), русский мыслитель, революционер, панславист, анархист, один из идеологов народничества. Идейный оппонент Карла Маркса.

Вебер М. (1864 – 1920), известный немецкий историк, экономист и социолог, основоположник концепции социального действия. Использует принцип культурного детерминизма. Рассматривает общество в зависимости от господствующей в нем религии.

Вико Дж. (1668 – 1744), итальянский философ, основоположник философии истории и этнической психологии.

Гидденс Э. (1938), английский социолог. Известен как создатель социальной теории структуризации (структурации).

Гоббс Т. (1588 – 1679), английский философ, автор концепции государства как общественного договора, использовал математические аналогии при изучении различных явлений.

Гуссеррль Э. (1859 – 1938), немецкий философ-феноменолог, занимался логикой, изучал проблему «жизненного мира» как первичного социально-культурного опыта.

Данилевский Н.Я. (1822 – 1885), российский социолог, создатель учения о культурно-исторических типах – цивилизациях, придерживался панславизма.

Дюркгейм Э. (1858 – 1917), французский социолог, сторонник концепции «коллективного сознания», сформулировал принципы классического типа научности. Продвигал концепцию социологизма – утверждавший принцип специфичности и автономности социальной реальности. Создал теорию социального факта. Исследовал систему социального контроля. Центральная проблема эмпирического анализа – вопросы общественных связей и общественной солидарности.

Зиммель Г. (1858 – 1918), немецкий социолог, основоположник формальной социологии, придерживался т.н. философии жизни.

Кареев Н.И. (1850 – 1931), выдающийся русский ученый – историк и социолог, крупнейший представитель классического позитивизма в социологии, один из основателей отечественной социологии, настойчивый и убежденный последователь и популяризатор учения Конта и других западных философов и социологов.

Ковалевский М.М. (1861 – 1916), русский учёный, историк, юрист, социолог эволюционистского направления и общественный деятель, один из руководителей русского масонства.

Конт О. (1798 –1857), французский исследователь, основатель социологии. Определил самое высокое место социологии в иерархии наук. Позитивизм – философская основа исследования общества как объективной реальности. Открыл закон разделения и кооперации труда. Разделил социологию на две части: а) социальную статику (изучает структуру общества, основные социальные институты – семья, государство, религия и др.); б) социальную динамику (теория общественного прогресса, т.е. духовного и умственного развития человека).

Ку́ли Ч. (1864 – 1929), американский социальный психолог. В основе социологической теории Кули лежат социальный органицизм и признание основополагающей роли сознания в формировании социальных процессов. Кули рассматривал общество, социальные группы и индивида как единый живой организм. Но органицизм Кули далек от биологических аналогий; его холизм основан на ментальной природе социального организма – «сверх-Я», «большом сознании».

Лебон Г. (1841 – 1931), французский философ, социолог и психолог, один из основателей социальной психологии. Особое место в его научном наследии занимают труды в области обществознания («Психология толпы» (1895), «Психология революций» (1912), «Психология социализма» (1908) и др.), в которых проводится идея особой значимости психологического фактора в познании жизни людей, а сама общественная психология считается движущей силой истории.

Локк Дж. (1632 – 1704), английский философ, основатель либерализма, в социологии выступал как один из создателей учения о «естественном праве» и общественном договоре.

Лукач Г. (1885 – 1971), венгерский философ-неомарксист, литературный критик. Является одним из основоположников западного марксизма

Маркс К. (1818 – 1883), немецкий философ, развил учение об общественных классах.

Маркузе Г. (1898 – 1979), немецко-американский философ и социолог. Наряду с Т. Адорно и М. Хоркхаймером – один из основателей Франкфуртского института социальных исследований. Согласно Маркузе, развитие науки и техники позволяет господствующему классу современного капиталистического общества сформировать

через механизм потребностей новый тип массового «одномерного человека» с атрофированным социально-критическим отношением к обществу и тем самым «сдерживать и предотвращать социальные изменения».

Мертон Р.К. (1910 – 2003), американский социолог, автор теории аномии (буквально беззакония), пытался создать общую теорию социологии посредством т. н. теорий среднего уровня.

Милль Дж. (1806 – 1873), английский философии. Изложил четыре метода опытного исследования: метод сходства, метод различия, метод остатков, метод сопутствующих изменений. Свои взгляды обосновывает на изучении умственного склада и характера людей. Считал, что государство не должно вмешиваться в экономическую деятельность частных собственников.

Михайловский Н.К. (1842 – 1904), русский публицист, социолог, литературный критик, литературовед, переводчик, теоретик народничества.

Парк Р. (1864 – 1944), американский социолог, заложивший основы социологии города, глава чикагской школы.

Парсонс Т. (1902 – 1944), американский социолог-теоретик, разработал структурно-функциональный метод в социологии. Дал базовые понятия: единица действия, функция, институт, статус и роль. Рассматривал социальное поведение как неизбежно включающее ориентацию на ценности, подчеркивая нормативный аспект общественной жизни.

Плеханов Г.В. (1856 – 1918), теоретик и пропагандист марксизма, философ, видный деятель российского и международного социалистического движения.

Смелзер Н. (р. 1930), американский социолог, представитель эволюционного функционализма, ученик Т. Пасонса.

Сорокин П. (1889 – 1968), русский и американский социолог, основатель теории социальной стратификации и социальной мобильности, рассмотрел историю общества как смену разных типов культуры.

Спенсер Г. (1820 – 1903), английский ученый, считается основателем социологии. Использовал методы биологии применительно к обществу. Его методологические принципы – эволюционизм и органицизм. Органицизм базируется на аналогии общества с биологическим организмом (рост, увеличение объема, усложнение структуры, дифференциация функций). Делил общество на два типа: военное и промышленное (индустриальное).

Тард Г. (1843 – 1904), французский социолог и криминолог, один из основателей субъективно-психологического направления в западной социологии.

Тённис Ф. (1855 –1936), немецкий социолог, один из родоначальников профессиональной социологии в Германии, сторонник «понимающей социологии», основатель «формальной социологии».

Тойнби А. (1889 – 1975), британский историк, философ истории, культуролог и социолог, автор труда по сравнительной истории цивилизаций «Постижение истории», один из разработчиков цивилизационной теории

Ульянов В.И. (псевдоним **Ленин)** (1870 – 1924), российский и советский политический и государственный деятель мирового масштаба, революционер, создатель Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), один из организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года в России. Марксист, публицист, основоположник марксизма-ленинизма, основатель СССР. Сфера основных политико-публицистических работ – материалистическая философия, теория и практика осуществления социалистической революции, построения социализма и коммунизма, политэкономия социализма.

Хабермас Ю. (р., 1929), немецкий социолог, яркий последователь «критической теории общества», изучал состояние культуры в научно-техническом мире.

Хоманс Дж. К. (1910 – 1089) американский социолог и социальный психолог, яркий представитель бихевиоризма. Подчеркивает важность наблюдения фактического поведения людей. Вводит понятия эмпирического уровня: взаимодействие, деятельность и чувство. Рассматривает процессы институализации в обществе.

Шпенглер О. (1880 – 1936), немецкий философ, теоретик культуры, представитель философии жизни. «Закат Европы» (1918) – основной труд Шпенглера – оказал сильнейшее влияние на философию истории 20 в.

Щюц А. (1899 – 1959), австрийский философ и социолог, основатель социальной феноменологии.

Направления в социологии

Конфликтные парадигмы социологии (К. Маркс, Л. Козер, Р. Дарендорф) исходят из того, что в обществе есть группы с разными интересами и одни извлекают пользу за счет других.

Марксистская парадигма – рассматривает людей как творцов общества, и как его продукт, а история понимается как процесс, созданный человеком. По Марксу, все общества разделены на классы, отношения между которыми носят антогонистический, конфликтный характер. Всегда есть правящий и подчиненный классы.

Парадигма социального действия (М. Вебер) – считается, что необходимо понять и интерпретировать поведение людей и раскрыть значение, которые сами люди ему придают.

Парадигма символического интеракционизма (Дж. Мид, Г. Блумер, Ф. Дэвис) – принцип объяснения действий через значения, придаваемые им индивидами. По теории Мида, мысль, опыт и поведение человека являются сугубо социальными. Особое значение придается символам, важнейшие из которых содержатся в языке.

Феноменологическая парадигма (Э. Гуссерль, А. Щюц) – сосредотачивает внимание на работе человеческого сознания – способах, с помощью которых человек классифицирует и осмысливает окружающий мир.

Функционализм (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс) – рассматривает общество как систему взаимозависимых составляющих, образующих единое целое.

Этнометодология (Г. Гарфинкель, Д. Циммерман) – изучает методы, с помощью которых люди воспроизводят социальный мир.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. М.: Экономика, 2004.

2. *Анохина Е.С.* Нелегальная китайская миграция в современном мире // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 359.

3. *Анохина Е.С.* Китайские диаспоры и «новая» китайская диаспора в странах Юго-Восточной Азии // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 361.

4. *Амирова Л.А.* Профессионально-педагогическая мобильность учителя как целевая установка высшего педагогического образования / Л. А. Амирова, З. Багишаев // Alma mater. 2004. № 1.

5. *Амирова Л.А.* Развитие профессиональной мобильности педагога в пространстве его личностной самореализации. Уфа: Восточ. ун-т, 2006.

6. *Аносова Т.Ф., Кирилюк С.С.* Диаспора – оптимальная форма адаптации мигрантов // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2005. Т. 7. № 1.

7. *Артемов В.А., Болгов В.И., Вольская О.В., Колобов Л.С., Пусеп А.Г., Сидляренко А.И., Яницкий О.Н.* Статистика бюджетов времени трудящихся. М.: Статистика, 1967.

8. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс, 2000.

9. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.

10. *Бендюков М.* Царь без горы. Почему в России не работает социальный лифт. URL: http://www.americaru.com/blog/post/6190.

11. *Буланова М.А.* Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 3.

12. *Булешева Д.Д.* Экологическая миграция сегодня: проблемы и возможные решения // Управление персоналом. 2007. № 15.

13. *Бурдье П.* Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519-536.

14. *Верещагина Т.А., Коростелева Е.С.* Миграция как фактор социально-экономического развития территории // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 8. № 1.

15. *Вишневецкий К.В.* Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007.

16. *Владимиров А.* О программе «Социальный лифт». URL: http://soclift.ru/.

17. *Гамаюнова В.П.* Влияние социальной миграции на криминогенную виктимизацию населения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3.

18. *Гидденс Э.* Социология. М., 1992.

19. *Горюнова Л.В.* Профессиональная мобильность специалиста как проблема развивающегося образования России: диссертация … доктора педагогических наук / Л. В. Горюнова. Ростов-на-Дону, 2006.

20. *Горячев Ю.А., Захаров В.Ф.* и др. Интеграция мигрантов средствами образования: опыт Москвы. М., 2008.

21.*Дворецкая Ю.Ю.* Проблемы обретения профессиональной компетентности в молодости / Ю.Ю. Дворецкая, С.Д. Некрасов // Личность и бытие: субъективный подход. Становление и реализация субъектности личности в профессии: материалы 12-й Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2004.

22. *Джерри Дж.* Большой толковый социологический словарь; Collins, 1999.

23. Динамика трансграничных денежных операций по данным Центробанка России за 2009 год. URL: http://www.cbr.ru/statistics/CrossBorder/

24. *Дмитриев А.В.* Конфликтология: учебное пособие. М.: Гардарики, 2003.

25. *Добреньков В.И.,* Кравченко А.С. Социология: учебник. М.: Инфра-М, 2009.

26. *Драгунова Т.А.* Соціальні чинники міграційної мобільності мешканців обласних центрів україни // Демографія та соціальна економіка. 2011. №2 (16).

27. *Евтушенко В.И.* Экологическая миграция как механизм снижения социальной напряженности // Труд и социальные отношения. 2009. № 3.

28. *Игошев Б.М.* Организационно-педагогическая система подготовки профессионально мобильных специалистов в педагогическом университете / Б. М. Игошев. Москва: ВЛАДОС, 2008.

29. *Касавин И.Т.* Человек мигрирующий: онтология пути и местности // Вопросы философии, 1997, № 7.

30. *Кемеров В.Е.* Введение в социальную философию. М., 2001.

31. *Кемеров В.Е.* Концепция радикальной социальности // Вопросы философии, 1999, № 7.

32. *Крамской В.В.* Организационно-экономические проблемы нейтрализации неле гальной трудовой миграции : дис. канд. эконом. наук 08.00.05. М., 2006.

33. *Кураев И.Ю.* Социальная мобильность и переходный исторический период: причина или следствие // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 3.

34. *Кусжанова А.Ж.* Проблема выявления социальной сущности образования и ее практическое значение. URL: http://credonew.ru/content/view/34/22/

35. *Ларин А.Г.* Роль китайской диаспоры в развитии экономики Китая // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 2.

36. Леднев В.С. Научное образование: развитие способностей к научному творчеству. 2-е изд., исправ. М.: МГАУ, 2002.

37. *Луман Н.* Власть. М., 2001.

38. *Любченко В.С.* Социальная мобильность в современном обществе: основные тенденции // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2013. № 1.

39. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: Знание, 1996.

40. *Маслянка Ю.В.* Проблемы и перспективы отечественного института образования личности в контексте глобальных смысловых трансформаций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. Ч. 2.

41. *Метелев С.Е.* Международная миграция и социально-экономическое развитие России. – М., 2007.

42. Миграционная обстановка в Республике Адыгея. URL: http://adygehase.ru/migracionnaya-obstanovka-v-respublike-adygeya/

43. *Моисеенко В.М.* Экологические мигранты? О миграции населения в зоне аварии на Чернобыльской АЭС // Миграция. 1997. № 4.

44. *Наумкин В.В.* Мусульманская диаспора на Западе: дифференциация, конвергенция, гибридизация? // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 23.

45. Новейший социологический словарь / сост. А. А. Грицанов [и др.]. Москва: Книжный дом, 2010.

46. *Окунев А.* Авария на ЧАЭС занимает 11-е место в числе техногенных катастроф XX века // Атомная стратегия. 2006. № 22.

47. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М.: Весь Мир, 2000.

48. *Осипов А.М.* Механизмы социального расслоения в образовании // Образование и общество. 2006. № 2.

49. Отчет по итогам деятельности ФМС в 2010 году, по данным ведомственной статистической отчетности (форма 1-РД) и Центрального банка данных по учету иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих или постоянно проживающих в Российской Федерации. М., 2010.

50. Проблема незаконной миграции в России. Реалии и поиск решений. М.: Гендальф, 2004.

51. *Ребкало В.* Психологічні чинники розвитку управлінських навиків особистості державного службовця в Україні / В. Ребкало, М. Пірен // Вісн. УАДУ. 1999. № 4.

52. *Родионова Н.А.* Нелегальная миграция как социально-экономическая проблема российского общества // Челябинский гуманитарий. 2011. Т. 2. № 15.

53. *Римский В.Л.* Преодоление коррупции в системе образования России: Доклад Московского бюро по правам человека. 31 мая 2010 г. // URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-513473.html.

54. *Руссо А.* Нетрадиционные угрозы безопасности России и Евразии. М., 1999.

55. *Рыжков Д.Л.* Миграция как форма социальной мобильности в глобальной социальной структуре // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 5 (133).

56. *Семенов Ю.И.* Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М.: Старый сад, 1999.

57. *Семенов Ю.И.* Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003.

58. *Смелзер Н.* Социология. М., 1992.

59. *Соколов А.Н.* Миграция и национальная безопасность // Правоохранительные органы стран Балтийского региона в борьбе с преступлениями в рамках закона о гражданстве. Материалы междунар. научно-практ. конф. КЮИ МВД России, 2005.

60. *Сорокин П.* Социальная мобильность. М.: Academia: LVS, 2005.

61. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная мобильность // Человек, цивилизация, общество / под ред. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992.

62. Социально-профессиональная мобильность в XXI веке. Сборник материалов и докладов Международной конференции / Под редакцией Г. М. Романцева, В. А. Копнова. Екатеринбург, 2014.

63. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: Стат. Сб. / Росстат. М., 2006.

64. Социальные лифты: кратчайший путь из грязи в князи. URL: http://trendclub.ru/blogs/contest_november/1355.

65. *Сушко П.Е.* Социальная мобильность сельской молодежи: институциональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8.

66. *Тили Ч.* Формы урбанизации // Американская социология. М.: Прогресс, 1972.

67. *Турчинов А.И.* Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. М.: МПСИ; Флинта, 1998.

68. *Тюрюканова Е.* Дешевый труд – миф или реальность? URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0315/tema05.php

69. *Хрусталев И.М.* Этническое предпринимательство мусульманских диаспор в странах Западной Европы // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2.

70. *Хьюз Э.* Работа и досуг // Американская социология. М.: Прогресс, 1972.

71. *Черныш М.Ф.* Социальная мобильность среднего класса // Управленческое консультирование. 2007. № 1.

72. *Чесноков А.С.* Вьетнамская диаспора в России: история и современность // Известия Уральского федерального ун-та. 2009. Т. 69. № 3.

73. *Чичкова Е.Н., Семенов О.Ю.* Влияние диаспор на разработку и осуществление германской иммиграционной политики // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 6.

74. *Шабров О.Ф.* Выступление // Материалы международной конференции «Оптимизация межнациональных отношений как фактор местного самоуправления». Омск, 2008.

75. *Шабанов Л.В., Лапшин В.В.* Пара «толерантность – интолерантность» как регулятор взаимоотношений этнических субкультур // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2009. Вып. 2 (80).

76. *Шибутани Т.* Социальная психология. Ростов н/Д, 1998.

77. *Юдина Т.Н.* Социология миграции: учебное пособие для вузов. М.: Академический проспект, 2006.

78. *Яницкий О.* Глава 6. Социология города. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/jadov_sociologija/05.aspx

79. *Zhuang Guotu.* Lun Zhongguo ren yimin dongnanya de si ci da-chao (Размышления о четырех волнах китайской эмиграции в Юго-Восточную Азию) // Nanyang wenti yanjiu. 2008. № 1.

80. New America Media. Filipino to Be Listed as Own Category in Census 2010. URL: http://news.newamericamedia.org/news/view_article.

81. *Saunders P.* Social Mobility Myths.Civitas: Institute for the Study of Civil Society. London, 2010.

82. South-East Asia's Chinese // BBC. 29.08.2001. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacifi c/1514916.stm

83. Technical Cooperation Center for Europe and Central Asia (International Organization for Migration). CIS Migration Report. 1996. Geneva, 1997.

84. *Vidal D.* Quand Jean Christophe Rufi n prône le délit d'opinion. Le Monde diplomatique, 21 Octobre 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение…….. 3

1. Социологические концепции социальной мобильности... 15

2. Социальные лифты в структуре социальной мобильности…… 25

3. Образование как фактор социальной мобильности человека в современном обществе……... 40

4. Социально-философские аспекты миграции…….. 49

5. Миграция как форма социальной мобильности в глобальной социальной структуре……. 56

6. Социальные аспекты миграции населения……..66

7. Миграция как фактор социально-экономического развития территории……74

8. Влияние социальной миграции на уровень преступности в обществе……80

9. Экологическая миграция…….. 84

10. Нелегальная миграция в условиях постсоветской России……89

Словарь основных понятий по дисциплине «Социология»……100

Краткий справочник по персоналиям и научным направлениям социологии……..105

Библиографический список……..…..110

Учебное издание

Учебное пособие по дисциплине
«СОЦИОЛОГИЯ»

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Составители:
А.М. Сиюхова, З.Х. Мамижева